

Белый квадрат. Захват судьбы

Автор:

Олег Рой

Белый квадрат. Захват судьбы

Олег Юрьевич Рой

Белый квадрат #2Капризы и странности судьбы

Два человека подошли к белому квадрату татами с разных сторон – Виктор Спиридонов, благородный офицер, постигший дзюдоицу в японском плену, и Василий Ощепков, сын ссыльных родителей, получивший дан в святая святых дзюдо Кодокане. Два человека, увлеченные общим делом, но разделенные политикой и личными взглядами. И все же они могли бы поладить, если бы не предательство. Именно против него им обоим приходится вести непримиримую борьбу, но что делать, если в нем замешан самый близкий для тебя человек, если в твою последнюю в жизни любовь вплелся горьковатый вкус яда?.. Судьба, как и судья на поединке, не знает жалости.

Олег Рой

Белый квадрат. Захват судьбы

© Резепкин О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Спасибо моим друзьям – продюсерам фильма «Начало. Легенда о самбо», а также лично Георгию Шенгелия и Сергею Торчилину, чьи идеи вдохновили меня на создание этого романа, и моему консультанту по политико-экономическим, военным и социально-бытовым аспектам сюжета Битанову Алексею Евгеньевичу.

Памяти моего сына Женечки посвящается.

События, описанные в романе, не претендуют на полную историческую достоверность и являются художественным вымыслом.

Глава 1

Сердце из кремня

Новосибирск встречал Спиридонова переменной облачностью; судя по всему, не так давно прошел дождь, краски вокруг были яркими, сочными, воздух все еще был насыщен влагой.

Ступив на перрон, Виктор Афанасьевич достал папиросы и закурил последнюю, спрятав пустую пачку в карман кителя, чтобы при случае выбросить в урну. И тут он увидел Ощепкова.

Виктор Афанасьевич сразу узнал его, хоть и представлял себе по-другому. Василий Сергеевич оказался крупнее и старше (последнее, впрочем, легко объяснить – фотографии в деле были нескольких лет давности). Одет он был в простой костюм, какие носят советские служащие летом, – светлая блуза с накладными карманами и чуть более темные просторные брюки. На ногах – ботинки армейского образца, в каких ходила тогда вся страна независимо от пола и возраста. На голове – светлая шляпа с широкими полями, довольно-таки несерьезная. Через руку переброшен светлый же плащик – их на юге России

почему-то зовут макинтошами.

Виктор Афанасьевич нарочно зашел не с той стороны, куда Ощепков смотрел, выглядывая его, и бодро проговорил:

– Василий Сергеевич, не меня ли высматриваете? Я Спиридонов.

И протянул ему руку, с ноткой злорадства глядя на мгновенное замешательство. Впрочем, Ощепков совладал с собой моментально.

– Как я вас упустил? – патетически воскликнул он, крепко пожимая протянутую ему руку. – Рад познакомиться, Виктор Афанасьевич, весьма наслышан.

– Как и я про вас, – с готовностью отвечал Спиридонов. – Но, конечно, хотелось бы познакомиться ближе, коллега. Должен сказать, вашими успехами я впечатлен.

Ощепков смутился, натурально, как институтка. Высший дан по дзюудзюцу, вынужден был напомнить себе Спиридонов. В поведении, да и во всем облике Ощепкова было что-то детское, невинное, незамутненное. Это как-то не вязалось ни с его шпионской биографией, ни с тем, что было известно о нем как о дзюудоку.

– Непременно! – ответил Ощепков с энтузиазмом. – Нас с вами объединяет дзюудзюцу, а это, как вы знаете, намного больше, чем «схватил-подсек-повалил».

Виктор Афанасьевич кивнул. На его вкус, Ощепков был простоват, как инженерный карандаш.

– Несомненно, – улыбнулся он. – Сгораю от нетерпения узнать вашу историю. Вы видели места, где я только мечтал побывать, Кодокан...

– В свою очередь хотел бы познакомиться с вашей историей, – ответил Ощепков. – Как я слышал, вы учились у японского мастера. Я многих среди них знаю. Хотелось бы провести с вами хотя бы один поединок. Вы ведь тренируете московскую милицию; о вас говорят как о большом мастере...

– И вам не терпится узнать, насколько это соответствует действительности? – улыбнулся Виктор Афанасьевич. – Как я могу вам отказать? Мне только надо найти какую-нибудь гостиницу, а потом...

– Я отвезу вас, – живо вызвался Ощепков, – у меня извозчик заложен. А для вас заказан номер в «Метрополе»... простите, в «Октябрьской», просто все ее «Метрополем» здесь называют, как раньше.

И он улыбнулся какой-то бесхитростной, совершенно детской улыбкой. Улыбка ему удивительно шла.

– В «Метрополе»? – удивился Виктор Афанасьевич. – Но зачем? Я же не нэпман какой-то, меня бы вполне устроила чистая койка в какой-нибудь гостинице попроще.

Ощепков опять смутился. Но не так, как можно было бы ждать от провинциального чиновника, раболепствующего перед столичным и начинающим метать перед ним бисер (вспомним отечественных сатириков от Гоголя до Ильфа и Петрова). Нет, Василий Сергеевич смущался не от того, что чувствовал себя «на скользкой почве». Его смущение шло от души, от чистого сердца:

– Вы здесь из-за меня... Прodelали долгий путь, оторвались от своих дел, оставили учеников...

Виктор Афанасьевич остановился и сказал почти строго:

– Но ведь и вы собираетесь оставить своих... И не просто надолго. Если все сложится так, как надо, вас переведут в Москву.

Василий Сергеевич посмотрел Спиридонову прямо в глаза и со вздохом ответил:

– Видит бог, мне бы этого не хотелось! Я привязчивый. Очень привыкаю к людям, к местам... Я любил Сахалин, хотя там нечего было особо любить, любил Токио, хотя он совершенно чужой нам, любил Владивосток... Теперь вот люблю Новосибирск. Но судьба не интересуется нашими предпочтениями. Я не виноват, что Машенька расхворалась. – Его глаза подозрительно заблестели, но Ощепков

быстро взял себя в руки: – В свое оправдание скажу, что мне есть на кого оставить секцию. Другим тоже следует расти, а мне – обжиться на новом месте. Такова жизнь...

Спиридонов машинально кивнул, и они продолжили путь.

* * *

Оставив вещи в гостинице, Виктор Афанасьевич и его спутник сразу же отправились в спортклуб Осоавиахима, где Ощепков проводил занятия. Машин в городе почти не было, да и гужевой транспорт не запрудил улицы, и в целом, если сравнить с Москвой, Новосибирск казался тихим и патриархальным, о чем Виктор Афанасьевич опрометчиво не преминул сообщить Василию Сергеевичу.

Тот отреагировал, видимо, с легкой обидой, потому как пустился в пространные объяснения:

– Во-первых, мы с вами едем по периферийным кварталам, вдали от, так сказать, делового центра. А во-вторых, сегодня же пятница. Все домой спешат, отдохнуть после трудовой недели.

– А с преступностью у вас как? – поинтересовался Спиридонов, не подав виду, что заметил обиду.

– Бог миловал, – с удовлетворением ответил Ощепков. – Во Владивостоке похуже было, и то справлялись. А в Москве что?

Виктор Афанасьевич вздохнул:

– Да уж не то что раньше, но могло быть получше. Сознательность в народе растет медленно. Но мы над этим работаем, так сказать, не покладая рук и не жалея ног.

Василий Сергеевич каламбура, скорее всего, не понял:

– Здорово! Я вот занимаюсь с рабочей молодежью, и, доложу я вам, сколько в этой среде талантов! Золотое дно. Хорошо, что советская власть дает им возможность прорасти, не как встарь: упало зерние в терние... – Виктор Афанасьевич молчал, и Василий Сергеевич продолжил: – Дзюудзюцу меняет человека, меняет к лучшему. Я заметил, ко мне многие приходили, чтобы «научиться драться». Сейчас они совсем другие люди.

– Научились драться? – ровным голосом уточнил Спиридонов.

Ощепков выражением лица дал понять, что речь о другом:

– Научились жить! Думать научились, и все благодаря дзюудзюцу. Вы, кстати, как, не проголодались с дороги? Можем в столовую заехать, ресторана, правда, не могу предложить.

– Спасибо, не голоден, – ответил Виктор Афанасьевич. При его обычно скудном пайке и после вчерашней обильной трапезы в вокзальном общепите он мог не испытывать чувства голода еще дня три. – А вот курево мне купить стоило бы. У меня кончилось, а на вокзале я разносчиц что-то не заметил. Брал с собой в дорогу, но все выкурил... В поезде, знаете ли, чем еще заниматься?..

– Тогда остановимся у табачной лавки, – решил Ощепков и спросил у извозчика: – Дружок, здесь где-нибудь махоркой торгуют?

– На перекрестке есть лабаз Потребсоюза, Василь Степаныч, – степенно ответил тот, – да товар там негодный, одно название, что табак, а так солома сухая. Заехать, что ли, к Дешевкиным? У них есть любое курево, хошь «Кино», хошь буржуйское зелье. Правда, цены дерут, буржуи недобитые...

– Заедь, дружок, будь добр, – попросил Ощепков, поудобнее усаживаясь на сиденье. – А уж вы меня, Виктор Афанасьевич, великодушно простите, курить, по-моему, дело дурное.

– Извозчик-то ваш, что ли? – Виктор Афанасьевич пропустил замечание о вреде табака мимо ушей. Только морализаторства ему тут не хватало!

– Чей это «наш»? Новосибирский? – удивился Ощепков.

– А откуда же он вас знает? – в свою очередь был удивлен Спиридонов.

Ощепков разулыбался:

– А меня тут каждая собака знает, не то что рабочий люд. Как там у Есенина? «В переулках каждая собака знает мою легкую походку». Вот только, к счастью, по другому поводу.

Будь на месте Ощепкова кто-то другой, Виктор Афанасьевич давно бы решил, что тот задается, кичится своим показательным образом жизни – с Ощепковым представить себе такое было решительно невозможно. Казалось, Василий Сергеевич был напрочь лишен и малейшего намека на то, чтоб лукавить и играть роль. Говорят, сильные от природы люди добры. Действительно, очень часто, если не всегда, злыми человеконенавистниками люди становятся оттого, что несчастны и не видят ничего лучше, чем делиться своим несчастьем с окружающими. Впрочем, и сильных людей не обходят несчастья...

– Вот и лавка, – сообщил Ощепков, локтем дружелюбно подпихнув Спиридонова в бок. – Идите покупайте свою милую вашему сердцу отраву, а мы подождем.

Виктор Афанасьевич проворно выскочил из коляски и поспешил под сень вывески бедного провинциального сородича московских нэпманских «универсальных магазинов». Здесь, как и в Москве, можно было отовариться чем угодно – с поправкой на провинциальность заведения, разумеется. Виктор Афанасьевич, впрочем, купил только две пачки папирос «Кино», дешевых и дурно пахнувших. Выйдя на крыльцо, с наслаждением закурил. И как это он выдержал час без курева? Обычно он закуривал каждые полчаса...

«Надо будет перед отъездом сюда еще разок заскочить, – отметил он про себя. – Две пачки – этого мне не хватит...»

Он все думал об Ощепкове. Образ прожженного афериста-двурушника рассеялся, но осадок сомнений все же оставил. Доверять Ощепкову Виктор Афанасьевич не мог, но и воспринимать его как прохиндея тоже уже был не в состоянии. Больше всего Василий Сергеевич напоминал добродушного увальня, но...

Но как тогда он сумел так успешно сотрудничать с разведкой ДВР, скажите на милость? Откуда в этом бесхитростном человеке столько нашлось... (он искал слово) изворотливости? Ведь иначе как он мог уцелеть, когда все подполье оказалось проваленным? Вот в чем загвоздка... Ну да ладно. Посмотрим, что он сам скажет на это.

Докурив, Виктор Афанасьевич вернулся в коляску.

– Простите, задержался, – пробормотал он, забираясь на сиденье. – Не хотел травить вас дымом.

– Да курите, товарищ, – великодушно разрешил извозчик, – не стесняйтесь. Иные пассажиры как сядут, да как пойдут дымить вчетвером...

Свое извинительное замечание Спиридонов адресовал не извозчику, конечно же, а Ощепкову с его правильным образом жизни, но вносить ясность было бы глупо.

До спортзала, оборудованного в старом угольном складе, добрались быстро. Здание напоминало саманный китайский овин ровно настолько, насколько океанский лайнер напоминает озерную плоскодонку, однако Виктор Афанасьевич поймал себя на каком-то смутном чувстве узнавания. Окна под крышей, сквозь которые льется в зал серый свет пасмурного дня, обширное пространство с белым квадратом татами на полу... точнее, квадратами – татами в зале было несколько, а главное – символ инь-ян на стене – вот что служило поводом к спиридоновскому дежавю.

– Вот здесь мы и тренируемся, – прокомментировал Ощепков, пропуская Спиридонова вперед. – Не бог весть что, конечно, но и того довольно.

– По-моему, совсем неплохо, – откликнулся Виктор Афанасьевич. – Как будете в Москве, я вам свой зал покажу. Условия примерно те же, только и того, что паровое отопление имеется. Зимой-то вы как?

– Мерзнем, что уж тут говорить, ну и тренируемся в ватниках с валенками, – улыбнулся Василий Степанович. – Здесь температура ниже четырех не падает даже в самые лютые морозы.

Фразу про Москву он, похоже, пропустил мимо ушей, а Виктор Афанасьевич ее запустил как пробный шар. И что он узнал? Да ровным счетом ничего. Ощепков был весь округлый, ухватиться не за что. Может быть, в этом и секрет его конспиративных успехов?

– Вот тут у нас раздевалки, – Василий Степанович указал на воздвигнутые в конце зала деревянные выгородки. – Это ребята сами сообразили, есть среди них рукастые, из рабочей молодежи. А мой кабинет наверху. По лестнице надо подняться.

Он остановился у лестницы и сказал со смущением:

– Вы уж простите, Виктор Афанасьевич, но домой к себе я вас пригласить не могу. У Машеньки открытая форма, дом превращен, можно сказать, в лазарет. Меня-то хворь не берет, бог знает почему, а за вас я в ответе: вдруг заразитесь? Да и Маша слаба, не до гостей ей...

Виктор Афанасьевич кивнул:

– Заразиться я не боюсь, а вот больную тревожить и впрямь ни к чему. Побеседуем у вас в кабинете. У нас время-то есть?

Василий Сергеевич посмотрел на часы (какие-то дешевенькие, с тонкими стрелочками и картонным циферблатом в металлическом корпусе):

– Тренировка через два часа с половиной. Вы же останетесь на тренировку? Вы мне еще и поединок обещали.

Виктор Афанасьевич улыбнулся. В словах Ощепкова опять проступило что-то детское; так дети напоминают родителям, что те обещали сводить их в зоосад:

– Я не из тех, кто нарушает обещания. Посмотрим, чему вы учите своих бойцов. Может, что-то и почерпну... Как говорится, век живи, век учись, да все одно помрешь дураком.

– Тогда идите ко мне, – с детским воодушевлением пригласил Василий Сергеевич и стал подниматься по лестнице. Виктор Афанасьевич следовал за

НИМ.

* * *

Кабинет Ощепкова оказался небольшим и чем-то напомнил Спиридонову недавно приходившее ему на память купе Сашки Егорова. В углу стоял японский манекен, на котором отрабатывают удары и захваты, остальной интерьер составляли старый овальный стол простой работы и три разнокалиберных стула. В кабинете царил дух запустения.

– Я тут почти не бываю, – пояснил Василий Сергеевич, словно прочитав его мысли. – Так, только чтобы переодеться. Раньше больше времени проводил здесь, да теперь не до того: каждую свободную минуту возле жены, сами понимаете...

У Спиридонова кольнуло сердце. О да, он понимал! По коже пополз неприятный холодок. Он мысленно пожелал собеседнику никогда не пережить того, что пережил он в ту ночь. Это понимание приблизило его к Ощепкову, породило в душе некое сочувствие. Он выбрал стул, рефлекторно смахнул с него пыль и сел. Ощепков сел напротив.

– Итак, Виктор Афанасьевич, давайте начистоту. Полагаю, не ошибусь, если скажу, что в вашем лице я имею честь беседовать с ОГЭПЭУ, верно?

– Можно и так сказать, – ответил ему Спиридонов и улыбнулся. Прямота собеседника ему импонировала. – Как вы знаете, мы с вами коллеги, вы, насколько я понимаю, тренируете милиционеров с восемнадцатого года...

– С семнадцатого, но с перерывами, – ответил Ощепков. – А вообще, я и с подпольщиками работал.

– Ну вот, а я тренирую московскую милицию, – продолжал Спиридонов. – Выходит, одним делом занимаемся. К тому же и вы, и я – дзюдоку, хотя у меня и нет таких регалий, как у вас.

– Будем откровенны, Виктор Афанасьевич, – предложил Ощепков. – Вы человек известный. Полагаю, вы бы с легкостью сдали на высший дан.

– Не слишком ли поспешно вы судите? – возразил Спиридонов. – Вы еще не видели меня... хм... на татами.

– Зато встречался с некоторыми из ваших учеников и весьма впечатлен, – парировал Ощепков. – Не скрою, меня очень интересует ваша система, и я очень надеюсь, что еще смогу детально с ней ознакомиться. Вы ведь не станете отрицать, что шагнули гораздо дальше того, чему научились в плену?

– Не стану, – подтвердил Спиридонов, задаваясь вопросом, являются ли слова Ощепкова все же попыткой подольститься к нему или же он говорит искренне. В глубине души Виктор Афанасьевич полагал, что разбирается в людях, но тут был поставлен в тупик: по всему выходило, что Ощепков и впрямь высоко его ценит. – Раз уж мы с вами начистоту... Вы сказали, что в моем лице видите ОГЭПЭУ... А вот я в вашем Кодокан вижу...

– Вряд ли почтенный Дзигоро Кано одобрил бы ваши экзерсисы, – улыбнулся Ощепков. – Он глубже всех погружен в дзюдо, он фактически сам есть дзюдо, но в этом не только его сила, а и слабость: дальше канонов своей школы он не видит.

«Он говорит то же, что и Фудзюки», – подумал Спиридонов, а вслух повторил:

– Вы интересуетесь моей системой, а я, в свою очередь, хочу узнать, что такое Кодокан. И очень надеюсь, что вы мне это расскажете. Вы все это видели, трогали руками...

Ощепков прищурился, очень как-то по-детски:

– Вот я и подумал, что самым правильным с моей стороны будет рассказать вам мою историю, от корки до корки. Этим мы и ваше любопытство удовлетворим, и, надеюсь, снимем возможные вопросы, какие возникнут у вашего начальства. Я догадываюсь, как выглядит моя биография со стороны. Откровенно говоря, меня можно было бы даже пристрелить чисто из осторожности, на всякий случай, так сказать. Увы, это судьба всех разведчиков – постоянно быть под подозрением, даже у своих. Оттого-то я легко отказался от этой карьеры. Довольно. Я и без этого могу принести пользу рабоче-крестьянскому государству.

– Хорошее решение, – заметил Виктор Афанасьевич относительно предложения Ощепкова изложить его биографию в виде монолога от первого лица. – Вы не будете возражать, если я буду какие-то моменты уточнять?

– И записывать, вы хотели сказать, – улыбнулся Ощепков. – Я видел у вас в кармане блокнот и автоматическую ручку. Думаю, вы неспроста их захватили.

Спиридонов ничуть не смутился. Да, все так. А как же иначе? Это его работа.

– Человека нельзя судить по бумагам, даже по самым документально точным, – сказал дальше Ощепков. – Я, например, верю только личному впечатлению. Терпеть не могу анкеты, личные дела и прочую канцелярщину. Жаль, что люди так неискренни друг с другом, бумаге доверяют больше, чем живому слову...

Виктор Афанасьевич вспомнил отца Клавушки, ее невесть где сгинувшего дядю, своих родителей... Их честному слову верили больше, чем векселю, заверенному крючкотворами-нотариусами. Но не рассказывать же об этом Ощепкову, право слово!

Потому он только кивнул и достал блокнот.

– Я буду с вами искренен, как на исповеди, – пообещал Василий Сергеевич. – Есть вещи, о которых мне говорить неприятно, но я расскажу и об этом. Мне нужно, чтобы вы составили обо мне как можно более точное впечатление. Знаете, я очень обрадовался, узнав, что именно вы вышли пояти мою душу. Потом, что у нас есть одно несомненно общее – дзюудзюцу с его древней мудростью. Эту мудрость ценил и уважал даже столь высокодуховный человек, как отец Николай, а это дорогого стоит. Кстати, из постыдных тайн укажу, что я, несмотря на политику партии в этом вопросе, человек верующий. Думаю, со временем отношения Церкви и государства установятся. Можете и это внести в протокол, если хотите.

Виктор Афанасьевич отрицательно покачал головой:

– Во-первых, протоколов я не веду, а во-вторых... Это не важно, но я не советую вам признаваться в чем-то подобном кому-то еще. Кому-то стороннему. В особенности в Москве.

– А вы? – спросил Ощепков. – Вы не считаете, значит, себя сторонним? Так оно и есть: ни вы мне не сторонний, ни я вам. Черт его знает, куда эта кривая вывезет, но мне бы хотелось, чтобы вы стали мне другом.

Он как-то странно повел плечом, словно сбрасывая воображаемый гусарский ментик.

– Я, говорят, болтлив; давайте пустим это в конструктивное русло. Итак, история Василия Сергеевича Ощепкова, рассказанная им самим.

* * *

– Вы можете решить, что я пытаюсь вызывать у вас жалость, – начал Ощепков, опершись локтями на стол и подавшись вперед, навстречу Спиридонову, – но я лишь говорю то, что есть. Я стал сиротой задолго до того, как умерли мои родители. Пожалуй, с рождения на свет, а то и раньше. Чужие мне по крови люди в моей судьбе принимали намного большее участие, чем те, кого считают родными. Свой среди чужих, чужой среди своих... звучит мелодраматично, но, по сути, очень верно. Прежде чем я расскажу о тех, кто сделал меня тем, кем я есть сейчас, я расскажу о тех, кто произвел меня на этот свет. В конце концов, считается, что все мы – совокупность наших родителей, не так ли?

Могу биться об заклад: первое, что неприятно вас поразило в моей биографии, это то, что я – сын каторжницы от ссыльнопоселенца. – Ощепков горько улыбнулся: – Это вы еще и половины правды не знаете. Давайте начнем с моей покойной матушки. Вы любите свою мать?

– Какой же человек не любит мать? – пожал плечами Спиридонов. – Кем надо быть, чтобы маму-то не любить?

– Извергом, – кивнул Ощепков. – Я видел таких немало. Напомню, я рос на острове извергов. Потому то, что я любил свою мать, посторонним казалось как минимум странным. В моем детском окружении родителей не любил никто. Ребенок на Сахалине не благословение, а проклятие. Нигде не делают столько аборт, нигде не убивают столько младенцев, как там. За этим никто не следит, ребенок на Сахалине появляется не в родильной палате – настоящее «рождение» происходит в церкви, во время крестин. Дожить до этого – уже

огромная удача, если в таких условиях можно вообще говорить о какой-то удаче.

Мне повезло, но отнюдь не благодаря той женщине, которая произвела меня на свет. Если бы не отец (который, кстати, сам вовсе не рад был моему появлению), она с легкостью выскребла бы меня из своего лона, а если бы это по каким-то причинам не удалось – разможила бы мне камнем голову в одной из бухточек острова, замотала бы вместе с этим камушком в пеленку и швырнула с сопки в океан.

Ощепков вздохнул. Спиридонов смотрел ему в глаза – они были отстраненными, словно он видел далекий, канувший в прошлое, довоенный Сахалин...

– Иногда я представляю себе Конец света, – продолжал Ощепков. – Когда море отдаст своих мертвецов – боже, сколько тогда младенцев восстанут из сахалинского прибоя! Наверно, армия мальчиков и девочек, родители, матери которых решили, что жить им незачем. Причем некоторые из них поступали, как им казалось, из любви – дескать, зачем ребенку жить да мучиться на каторге? Странное милосердие, вы не находите? Но они были убеждены, что поступают так из любви к своим отпрыскам, когда клещами абортмахера или подходящим булыжником уничтожали будущее своих крошек. Но мою мать в этом обвинить нельзя: если бы она убила меня в утробе или после рождения, она сделала бы это вовсе не из любви ко мне.

Спиридонов остановил Ощепкова жестом руки:

– Погодите, Василий Сергеевич, – сказал он почти умоляюще. – Я верю, что вы говорите то, что считаете истиной, но не сгущаете ли вы краски? Мне, простите, сложно поверить в то, что на свете может существовать чудовище, способное ненавидеть своего ребенка. Я, конечно, по роду службы – порой я участвую, знаете ли, в оперативных мероприятиях московского ОГПУ) – сталкивался с женщинами, убивавшими своих детей – в помутнении рассудка от нищеты или по другой какой причине, но чтобы в здравом уме, в трезвом рассудке...

– Именно что в здравом уме и трезвом рассудке, – твердо сказал Ощепков. – Но о ненависти я не говорил. Для того чтобы ненавидеть, Виктор Афанасьевич, для начала нужно любить. А она меня никогда не любила, оттого и ненависти ко мне у нее не было. Я был лишь досадной помехой. А уж как она умела устранять помехи...

Я ношу фамилию Ощепков, и это фамилия моей матери. Родилась она тридцатого ноября тысяча восемьсот пятьдесят первого года в деревне Ощепково Воробьевской волости Оханского уезда Пермского края, в семье купца второй гильдии Семена Никаноровича Ощепкова. Дед мой был из тех крепостных крестьян, которые, получив вольную, словно сжатая дотоле пружина, распрямились и устремились от крепостного бесправия к преуспеянию. Неумная энергия, стальная воля, природная сметливость и хватка волчьего капкана – вот что такое характер моего деда. К чести его могу сказать, что он никогда не «шел по головам» и поступал с людьми как минимум справедливо, хоть и порой сурово. Довольно быстро он добился успеха на торговом поприще, став купцом сначала второй гильдии, а затем и первой. Возможно, вам мой рассказ покажется маловероятным, но...

– Отчего же, – перебил его Спиридонов, – мне такие люди хорошо знакомы.

– Дайте угадаю... Вы и сами из купеческого сословия? – ребячливо улыбнулся Ощепков. – Не переживайте, дальше меня это не пойдет. Все это в прошлом, пусть там и остается. Ох... право, мне не хочется все это рассказывать, я словно раздеваюсь перед вами, чтобы показать свои многочисленные язвы и струпья. Но эти язвы давно зажили. Просто вам следует все это знать, чтобы лучше меня понимать. Я не слишком обязываю вас, предлагая свою историю?

– Бросьте, – отмахнулся Спиридонов, – мне ваш подход по душе. Чем больше я буду знать, тем справедливее будет мое мнение...

Про себя же Спиридонов подумал, что подобная откровенность сработала бы против Ощепкова, разоткровенничайся он вот так же в Москве. Не слишком ли легко он доверился сейчас постороннему человеку? И это бывший разведчик? Да еще такой, который сохранил свое положение во время крушения подполья? Не мало ли для такой откровенности их совпадения на почве занятий японской борьбой?

Спиридонов ни за что б не поверил в такое, если бы не Ощепков. Прикусив кончик ручки, он посмотрел на собеседника. То, как человек смотрит, может сказать о многом.

Ощепков смотрел на него прямо, не пряча взгляда, но и без вызова, честно. Одно из двух – или он лжец, каких свет не видывал... или не от мира сего. Не от мира

сего...

Значит, от мира дзюудзюцу?

– ...так что рассказывайте дальше, будьте добры, – мягко попросил он. – Даю вам честное пролетарское, что не стану никому пересказывать все, что здесь услышу. Ничего, кроме своих выводов, которые сделаю после. Идет?

– Тогда продолжу, – кивнул Ощепков. – Жена моего деда, бабка моя, была дивно красивой. Женихов у нее было не счесть, и всем им она предпочла моего деда, хотя тогда он не был богат и успешен, да и внешне был вполне зауряден. Моя бабушка оценила его волевые качества; она была уверена, что Семен Никанорович многого добьется в жизни, и не ошиблась... вот только ей это не помогло. Через несколько месяцев после рождения дочери моя бабушка заболела и, несмотря на все старания мужа, умерла, оставив его с грудной дочерью на руках.

Какой это было трагедией для моего деда, можно было судить по тому, что он так и не женился во второй раз, хотя, пожелай он, ему было бы из чего выбирать, и выбор был бы непрост. Не знаю, знакомы ли вам такие чувства – когда человека невозможно заменить кем-то другим, когда в мире становится пусто, холодно и темно после его ухода... Это мало кто пережил...

«Вот я пережил», – подумал про себя Спиридонов. Однако его мысль, должно быть, как-то отразилась у него на лице: Ощепков запнулся и внимательно посмотрел на него. Потом продолжил:

– ...но мне кажется, что вы понимаете, о чем я. Так вот, всю свою любовь дед перенес на мою мать. Он растил ее, по его же словам, «как маленькую барыню». Мать моя ни в чем не знала отказа. Никакой работы ей не поручали, хотя дед, даже нанимая на работу сотни батраков ежегодно, сам не гнушался любого труда. Вы, наверно, решите, что он просто избаловал мою матушку. Отчасти да, но лишь отчасти. Внешностью моя матушка пошла в бабку, характером – скорее в отца, если бы не одно «но».

О Семене Никаноровиче по сей день говорят, что он был справедливым человеком, и это при том, что его уже тридцать с лишним лет нет на белом свете; моя матушка же знала лишь один незыблемый принцип: «я хочу». Дед

долго закрывал глаза на ее своеволие, но конфликт между его принципиальной справедливостью и ее твердокаменной беспринципностью был им словно на роду написан.

Когда моя матушка подросла, отец решил позаботиться о ее будущем. Как истый домостроевец, он не доверял деловым качествам женщины и не собирался оставлять ей свое состояние. Но и оставить ее без гроша, конечно, тоже не собирался. Подбирать ей мужа он начал очень давно и нашел, как ему казалось, идеального. Юноша энергичный, сметливый, но бедный казался ему наилучшим претендентом в мужья для своей дочери. К будущему зятю Семен Никанорович относился как к родному сыну – он научил его всему, поставил на ноги, вывел в люди и, в конце, сделал своим торговым товарищем[1 - Младший партнер купца, в отличие от приказчика, имеющий право самостоятельно, от своего имени, заключать сделки в определенном объеме.].

Дед, в общем, хорошо разбирался в людях, и в Герасиме Фомиче не ошибся: тот не только искренне полюбил своего благодетеля, но и оказался наделенным деловой хваткой. В ранге товарища он стабильно приносил предприятию деда немалые барыши и в конце концов стал бы не менее успешным, чем дед, если не более. Когда подошло время, дед объявил любимой дочке, что решил выдать ее замуж за Герасима...

* * *

Ощепков откинулся назад и хрустнул пальцами:

– Однако зря мы не взяли чего-то выпить, хотя бы нарзану, что ли. Никогда еще так много не говорил, а ведь история только начинается.

– Можно прерваться и поискать чего-нибудь... – неуверенно предложил Спиридонов. – Но вы так складно рассказываете... Даже не хочется отвлекаться. Вы выдержите без нарзана?

– Мне и самому не хочется прерываться, – согласился Ощепков. – Продолжим, пожалуй... Да, мой дед хорошо разбирался в людях. Это не сработало только в отношении моей матери. Она словно находилась в «слепом пятне» у него – он в упор не видел, какая она растет, на какой дорожке стоит. Он был уверен, что ее

обрадует его выбор. Герасим Фомич был хорош собой, его родного брата, например, забрали по жребию в драгуны, и сам Герасим Фомич ему ни в чем не уступал ни статью, ни этакой мужественной красотой.

– Пойдите! – Спиридонов подался вперед, утвердив на столешницу локти, как до этого сидел напротив него Ощепков. – Почему Герасим Фомич? Разве это не ваш отец? Тогда почему вы не Герасимович, а Сергеевич?

Уже задавая вопрос, Спиридонов вспомнил, что отец Ощепкова ему своей фамилии не дал и что фамилия его была Плисак. Но скорректировать вопрос не успел.

– Он не мой отец, – улыбнулся Василий Сергеевич. – Мой отец совсем другой человек, о нем я еще расскажу вам позже. Герасим Фомич – первый и единственный законный муж моей матушки, как видите, дед своего добился. Но для этого ему пришлось постараться изрядно. Вскоре сыграли свадьбу.

Но я не зря говорил, что характером матушка была вся в отца своего: дед мой не без усилий согнул ее, но долго согнутой оставаться она не могла. А распрямившись, способна была... Трудно и вымолвить, на что способна была моя мать.

В ночь со второго на третье сентября тысяча восемьсот восемьдесят третьего года в Оханске Пермского края случился пожар. Горел дом купца Герасима Ощепкова-Выдрина (муж моей матери взял фамилию тестя из уважения к тому и с полного его благоволения). Пожар потушили всем миром, но хозяина дома спасти не удалось: он угорел. Та же судьба едва не постигла и его дочь, Агафью Герасимовну, девочку спасли только чудом. Мать мою обнаружили лишь к вечеру следующего дня; она бродила в окрестностях городка, накинув на ночную сорочку зипун, и казалась совершенно убитой. Из ее сбивчивых объяснений выяснили, что, увидев огонь, она перепугалась и бросилась вон из дома куда глаза глядят. Пришла в себя поутру и поняла, что близкие ее погибли. От этого-де едва не помутилась рассудком.

Бедную вдову жалели, жалели вдвойне оттого, что ее муж в городке имел репутацию самую добрую. Она же весьма убедительно продолжала разыгрывать из себя убитую горем. Все закончилось по весне, когда в городок из Санкт-Петербурга, где зимовал, устраивая торговые дела, вернулся мой дед.

Я не знаю всех подробностей той истории. Что заставило деда подозревать свою дочь в столь ужасном преступлении, как покушение на жизнь собственных мужа и дочери, но он ее заподозрил и в конечном счете вывел на чистую воду. Вроде бы даже сам свидетельствовал против нее в суде, хотя тут я не уверен. Матушка до последнего разыгрывала из себя невинную жертву. Вину свою она так и не признала, и процесс над ней едва не развалился, да одно неопровержимое свидетельство положило край этому трагифарсу. Дед нашел где-то любовника моей матушки, афериста-разночинца, который, собственно, и толкнул ее на преступление, да и к тому соучаствовал. Под угрозой понести наказание единолично тот запел соловьем, потому отделался легко, чего не скажешь о моей матушке. Общество Оханска чувствовало себя словно оплеванным, и естественно, что его мнение развернулось на сто восемьдесят градусов...

– Простите, – прервал его Спиридонов. – Я, конечно, злоупотребляю вашим гостеприимством...

– Да ради бога, – спохватился Ощепков. – Я на вас как ушаты воды выливаю... Представляю себе, как это выглядит со стороны, так что спрашивайте, не стесняйтесь.

– Нет, я о другом... – Спиридонов прокашлялся. – Э-э-э... могу я закурить? Простите великодушно...

– Вот еще проблема! – улыбнулся, в свою очередь, Ощепков. – Да курите, курите. Могли бы не спрашивать. Я ж понимаю...

– Но вы-то не курите... – Спиридонов с облегчением полез достать пачку. – Я вам неудобства создаю своим дымом, чего там.

– Ну, я ж не в футляре живу, – пожал плечами Ощепков. – Нельзя навязывать свои правила, даже если они нам самим кажутся справедливыми и благородными. Впредь, пожалуйста, не спрашивайте о таком, лады?

– Лады, – кивнул Спиридонов, закуривая.

* * *

– В марте восемьдесят четвертого моей матери вынесли приговор, – продолжил Ощепков. – Он был суров, но судей можно понять: они сочувствовали «бедной вдове», а та водила их за нос, играя на человеческих чувствах. Лишение всех прав состояния и семнадцать с половиной лет каторжных работ на пермских заводах. Поняв, что отпираться больше нет смысла, мать спокойно выслушала приговор. Она и всегда была хладнокровна, даже тогда, когда поняла, что сама жизнь вынесла ей свой вердикт... и в процессе приведения одного в исполнение тоже лишь сильно кусала губы. Она ведь от рака умерла... чувствовала страшные боли, но я лишь несколько раз слышал от нее стон, а плачущей ее не видал вовсе. Словно она была высечена из кремня, ей-богу.

Но, возможно, ее спокойствие зиждилось не только на этом – дело в том, что она вовсе не собиралась капитулировать, о нет! Между пермскими заводами и Оханском пара сотен верст, которые ей предстояло преодолеть частью на перекладных под конвоем, частью по чугунке. Она никогда не говорила мне о том, когда именно она, как сама выражалась, сорвалась с крючка, где и с кем провела следующие два года, как и чем жила как беглянка. Думаю, без ее женских чар не обошлось. Но ровно на годовщину оханского пожара ее вольница закончилась – в Камышлове Пермской губернии ее и еще нескольких подозрительных элементов, оказавшихся такими же жиганами, как она, но мастью пожиже, обложили в брошенном доме у кладбища. У банды было оружие, и они отстреливались, пока патроны не кончились, но таковое помогает только в бульварных романах. Жандармы выждали, пока фронтеры расстреляют патроны, после чего всех повязали. У матушки и тут оказался любовник, какой-то фертик из благородных с полной головой декаданса и амбициями Желябова, ну а матушка была при нем вроде Софьи Перовской. Впрочем, судопроизводство по всем вели раздельно. На сей раз приговор был предельным – шестьдесят ударов плетью и пятнадцать лет к тем семнадцати с половиной. Да не на пермских заводах, а на Сахалине. И ей еще повезло: уж не знаю, что там на них «висело», но фертика приговорили к повешению, потом, правда, из нечеловеческой жестокости царских сатрапов, помиловали и заменили на пожизненное в одиночном содержании.

Спиридонов задумчиво затушил докуренную папиросу в импровизированной пепельнице, под которую приспособил жестяной коробок, вытряхнув из него спички.

Ощепков помолчал, затем спросил:

– Вы представляете себе, что такое шестьдесят плетей? – Спиридонов кивнул. – Я думаю, судьи просто хотели убить ее, но женщинам в Российской империи практически никогда не выносили смертных приговоров. Они плохо знали мою матушку! Возможно, кремню бывает больно, но плетью его не убьешь. Она выжила и, кстати, потом сама не гнушалась пускать в ход плетку. Что мне довелось опробовать на себе, слава богу, хоть сил у нее было не так чтобы очень. А когда она пришла в себя, то под строжайшим конвоем была препровождена в Одессу, откуда ходили пароходные рейсы, возившие каторжан к острову, населенному извергами и отребьем.

Глава 2

Оборотень

Ощепков еще помолчал. Видимо, вспоминать все это было для него не так-то просто. Виктор Афанасьевич хотел достать еще папиросу, но передумал. Не стоит эксплуатировать законы гостеприимства – гостю позволено все. Но от хозяина не укрылось его желание.

– Виктор Афанасьевич, я же сказал: курите, не стесняйтесь, – улыбнулся Ощепков. – История моя долгая и тяжелая, неудивительно, что вам хочется ее разрядить.

– Надо бы повременить, конечно, – отвечал Спиридонов, но стал доставать папиросу.

– Не считаю нужным ограничивать чью-то свободу, – прокомментировал Ощепков. – Для меня это не пустые рассуждения. Я попал на каторгу не за какие-то преступления, я родился в тюрьме и цену свободы знаю. Конечно, каторга – это не то чтобы тюрьма, но и до свободы ей – как от Перми до Корсаковского поста. – Он посмотрел в глаза прикуривающему Спиридонову и продолжил: – Итак, про матушку свою я вам уже рассказал, теперь немного расскажу об отце и других людях, принимавших участие в моей судьбе. Мой отец родом из малороссийских мещан, и, как его отец, дед и прадед столярничали, вот и он был обучен на столяра. Обыватель часто путает столяров с плотниками; это все равно что путать солдат с офицерами. Плотник выполняет

куда более простую и грубую работу; столяр же – маэстро деревообработки. Мой отец в этом отношении был по-настоящему талантливым человеком. Я бы сказал, что в некотором роде его можно было бы назвать «художником по дереву». Если будете в Александровске, не приведи господь, конечно, просто пройдитесь по улицам, особенно по Большой, Малой, Гаванной и Кирпичной, а главное – обязательно зайдите в церковь Покрова Богородицы. Увидите там иконостас... он будто возносится к небу, как пламя свечи, а из дерева. Этот иконостас – как деревянная молитва Богу, и его от пола до креста с ангелами сделал мой отец. И сделал не из ливанского кедра, не из мореного дуба или красного дерева, а из тех досок, что были под рукой, – от ящиков, от бочек, от старых рыбацких лодок...

В его доме всегда пахло смолой, креозотом и еще какой-то гадостью, а в большой комнате у печки в ночвах – это род корыта, только побольше, сшитого из досок, а не долбленого – отмокало от пропитки несколько собранных им досок, которые кому-то другому показались непригодными. Но какие из них потом получались вещи!

Отец был слегка «не от мира сего», и это-то привело его на каторгу. С детства он дружил с белоцерковским попovichем, Емельяном Владко. Сами знаете, как у нас до революции было: если твой отец поп, то и тебе прямая дорога в священники, не по закону, так по обычаю. Емельян Евдокимович Владко учился в семинарии в Киеве, где, на свою и моего отца голову, вступил в некое «Братство тарасовцев». Вы, наверно, слыхали об украинском национализме? Вот весь он вышел из этого «Братства», которое, однако, уже в девяностом году вынуждено было прекратить существование. Русская охранка свое дело знала: среди тарасовцев, конечно же, были ее агенты, быстро выяснившие, что за «Братством» стоит галицкая «Украинская радикальная партия», которую, в свою очередь, организовала австро-венгерская разведка. Лоскутная монархия была не прочь пришить себе еще один славянский лоскуток, а заодно ослабить Россию, на которую угнетаемые австрийцами славянские подданные Габсбургов возлагали надежды на свое освобождение. С этой целью и был придуман украинский миф, но царские слуги быстро поняли, что к чему, и шайку-лейку разогнали; наиболее одиозных скрутили, иных выслали, иных припугнули...

В один прекрасный вечер в дом Владко, у которого как раз гостил мой отец, пришел один из членов «Братства», некто Свирчевский, родом из Винницы. Ни мой отец, ни его приятель подвоха не ожидали, но приход Свирчевского оказался для них переломом в судьбе. Их однопартиец оказался поручиком

контрразведки Российской империи. Впрочем, пришел он не за тем, чтобы арестовать двоих горе-фрондеров.

Ипполит Викторович Свирчевский в двух словах объяснил молодым людям, на чью мельницу те со своим юношеским энтузиазмом лили воду. Я сам хорошо был знаком со Свирчевским, конечно, значительно позже. Человек предельно ясного рассудка, с умением убеждать. Вероятно, таким он был с того еще времени, во всяком случае, моего отца и его товарища он переубедил.

Увы, оба горячих молодых человека успели вляпаться в непотребное дело малороссийского сепаратизма по уши; а может, Свирчевский сознательно сгущал краски. Мой отец и Емельян Владко сами сдались охранке, признали себя виноватыми в участии в антиправительственном заговоре и получили довольно мягкие приговоры – не каторгу, а всего лишь высылку на Сахалин. Сами понимаете: высылка от каторги отличается примерно так, как насморк от туберкулеза. На месте оба устроились хорошо – Владко, будучи лишенным прав состояния (и к тому же не доучившийся в семинарии), стал церковным старостой, а мой отец... на Сахалине и так мастеравые на вес золота, а уж столяры так и подавно. Вообще говоря, устроился он просто замечательно во всех отношениях – был «своим» и для «угрей»[2 - Угорь – осужденный по уголовной статье (жарг., устар.).], и для политических, при этом был вхож в дома, если можно так выразиться, сахалинской «белой кости», конечно, с подачи Свирчевского. Всем было хорошо – «вольняшка»[3 - Ссылнопоселенец и иное лицо, имеющее доступ в исправительное учреждение и не являющееся при этом ни заключенным, ни персоналом исправительного учреждения.] колоднику лепший друг, а уж такой, как мой батя, с которым губернатор за одним столом куру ел, – так и подавно. А Свирчевский через папку и его приятеля Владко получал исчерпывающе точную информацию о настроениях и планах колодников. Благодать...

Свирчевский перевелся на Дальний Восток после разгрома тарасовцев, да там и остался; здесь можно было быстро подниматься по карьерной лестнице, да и не только. Насколько я знаю, для Свирчевского разведка была делом всей его жизни. Надвигалась война с Японией, и если среди обывателей царили шапкозакидательские настроения, то профессионалы прекрасно понимали, что Россия, как говорят шахматисты, попала в цугцванг[4 - Zugzwang (нем.), «принуждение к ходу» – положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.]. Для разведки отнюдь не было секретом то, что к войне Японию подталкивает Англия, и не просто

подталкивает, но буквально фарширует военными займами, на которые снабжает английского же производства техническими новинками. Очень в духе англосаксонской политики – загребать жар чужими руками, попутно подсаживая сателлита на долговой крючок, да еще и имея за это барыши в виде военных заказов... да что я вам рассказываю!

Ощепков слегка потянулся и хрустнул костяшками пальцев, потом сказал весело:

– Виктор Афанасьевич, у вас папироска истлела, а вы и тяги не сделали!

– Просто вы замечательный рассказчик, – отвечал Спиридонов, доставая еще папироску.

– *Noblesse oblige*, – пожал плечами Ощепков, – сейчас поймете почему. Так вот, у России, Виктор Афанасьевич, в этой ситуации было два варианта – плохой и очень плохой. Плохой состоял в том, что Россия могла проиграть Японии. Порт-Артур, как вам известно наверняка получше, чем мне, был крепостью только на бумаге, первая тихоокеанская эскадра была объективно слабее японского флота, и усилить ее не было ровно никакой возможности. Но, можно сказать, нам повезло.

– Почему? – удивился Спиридонов и подумал при этом, что Ощепков говорил точь-в-точь как Фудзюки.

– Потому что, если бы мы победили, Англия совершенно определенно начала бы войну против нас, а все остальные не преминули бы к ней присоединиться. Назревала вторая Крымская война, но тут уж одним Севастополем дело бы не ограничилось – это была бы Первая мировая на десять лет раньше, но с одним отличием: все страны и Антанты, и Тройственного союза единым фронтом выступили бы против нас. Представляете?

Спиридонов кивнул, вспомнив новониколаевского чиновника, некогда бывшего его попутчиком до Москвы, и его фантазмагорию об англо-французской эскадре, бывшей Рождественского. Кстати, когда он пересказал этот анекдот Сашке Егорову, тот отнесся к нему со странной серьезностью, сказав, что если поискать, то можно даже найти несколько фактов, подобную версию подтверждающих. Например, то, что как раз в году Цусимы английский

Дальневосточный флот, по странному стечению обстоятельств, потерял целых два броненосца, как сообщалось, в навигационных авариях.

– Чтобы не допустить усиления России, – продолжал между тем Ощепков, – а если получится – и себе что-нибудь урвать от бескрайних наших просторов. Вот так, в каждой победе есть начаток будущего поражения, в каждом поражении – семя грядущей победы.

И опять Спиридонов подметил, что Ощепков цитирует Фудзиюки.

– Но и в том, и в другом случае выходило, – вел речь Ощепков, – что Япония становилась для нас врагом – всерьез и надолго. Можно сколько угодно благодушничать, будучи политиком, но армейская профессия такой роскоши, как благодушие, не допускает. Военный человек обязан быть параноиком, обязан готовиться к войне и видеть врага в каждом государстве, даже том, с которым отношения складываются самым наилучшим образом. Да что я вам объясняю... Вы ж сами кадровый офицер и, по идее, так же относитесь и ко мне. Симпатичен я вам или неприятен, не суть важно, все равно вы вынесете свое суждение именно как профессионал.

– Вы явно переоцениваете мою злонамеренность, – пробурчал Спиридонов. – Вам не кажется, что мы отклоняемся от темы?

Ощепков мгновенно переключился:

– Так вот. Ипполит Викторович Свирчевский нашел в Забайкальском округе единомышленников; свою работу они начали еще задолго до начала войны, однако их труд долгое время прозябал втуне – Генштаб относился к их теоретическим построениям несерьезно и прислушиваться начал только после падения Артура. Печально: начни они раньше, итог войны мог бы быть совершенно иным... а мог и не быть. Но другой наверняка была бы моя судьба.

К моменту прибытия моего отца на Сахалин у Ипполита Свирчевского столь далеко идущих планов еще не было, но какие-то наметки, вероятно, уже были. Во всяком случае, он очень грамотно выткал свою агентурную сеть, с минимумом ресурсов и максимальной эффективностью, и мой отец играл в этом не последнюю роль. За это он имел ангела-хранителя в погонах штабс-капитана – Свирчевский перевелся с экстренным повышением в чине, – а в его лице – всего

Российского государства. Я думаю, мой отец на Сахалине обрел свое счастье – достаток, уважение и даже любовь женщины, о которой он мог бы только мечтать в той, прежней жизни.

Хотя любовь – это, должно быть, слишком сильно сказано. Не сомневаюсь, что мать не любила его ни минуты. Я иногда задумываюсь: а любила ли она хоть кого-то? От этих мыслей мне становится страшно: я не могу утвердительно ответить на этот вопрос, а ведь что такое человек, который не способен любить? Это даже не инвалид, не безумец, я не знаю, можно ли вообще подобное существо назвать человеком, – но это моя мать, и я ее люблю. Люблю, не получив от нее толики материнской заботы и ласки...

Ощепков замолчал, его взгляд стал отстраненным. Затем голос его, когда он заговорил, зазвучал глуше:

– Я, возможно, скажу нечто банальное, Виктор Афанасьевич, но для меня это отнюдь не банально. Это моя жизнь, моя судьба. Я пережил и выстрадал это, потому смею утверждать: есть вещи, которые мы не выбираем, но любим. Мать, Родина – все это дается нам свыше. Мы никак не влияем на то, каковы они будут. Твоя мать может быть лишенной способности любить извергиней, твоя Родина может задыхаться от косности и узколобости бюрократии или терять разум в пароксизмах и конвульсиях Гражданской войны, а ты все равно любишь их не потому, что они хороши для тебя, а вопреки тому, чем они для тебя плохи...

Ощепков опять сделал паузу. Его кадык вздрогнул, словно он проглотил что-то, плохо пережевав. Глаза его посветлели и казались прозрачными. Смотрел он куда-то мимо Спиридонова, хотя у того за спиной не было ничего, кроме дощатой стены выгородки, где Ощепков оборудовал себе кабинетик.

– Я был с ней, когда она умирала, – выговорил он наконец. – Умирала она долго. Какими бы ни были ее грехи, она начала расплачиваться за них еще при жизни. Рак пожирал ее. Бывшая прежде воплощением здоровья, красавицей с белозубой улыбкой и озорным блеском в глазах, она таяла, как свечка во время пасхальной службы. Жизнь покидала ее, а вместо жизни приходила боль.

Я видел, как болезнь смиряет людей, но ее она не смирила. Она ругалась, доходя до богохульства, но не от того, что хотела похулить Бога, до Бога ей никогда не было дела. Она, как ослепленный воин, беспорядочно разила всех вокруг – отца,

дочь, мужа, моего отца, меня, себя... Она не умоляла о том, чтобы боль прекратилась, она ее проклинала. Она не просила Бога исцелить ее – она крыла и Бога, и свою болезнь, и тех, кто пытался если не вылечить ее, то хотя бы облегчить ее страдания. Морфия на Сахалине, конечно, достать было невозможно, но мой отец достал его для нее, за что она обругала его, что достал мало. Но и морфий ей не сильно помогал, и она все равно вертелась на кровати, ругаясь сквозь стиснутые зубы и не зная покоя.

Я думал, что когда она ослабнет, то станет другой, но нет. Я надеялся, что, почувствовав близкую смерть, она покается. Она отказалась от исповеди, а последними ее словами были проклятия... проклятия...

– Вы плачете... – Спиридонов заметил у Ощепкова на глазах слезы. – Простите, что заставил вас переживать это вновь.

– Не впервой, – отмахнулся Ощепков с кривоватой улыбкой. – Вы думаете, мне нужен повод, чтобы это вспомнить? Порой, знаете, находит... Пустое. Ладно, вернемся к моей истории.

Когда мой отец сошелся с моей матерью, это, конечно, не было семьей: лишенная прав состояния, моя матушка с точки зрения закона была мертва, а значит, и замуж выйти не могла. Брак с мертвецом с юридической точки зрения – нонсенс. Отец, конечно, женился бы на ней и, возможно, добился бы того, чтобы ей хотя бы разрешили определить право состояния, – не сам, так с помощью Свирчевского... Но он ничего не решал в их союзе, а мать была категорически против. Она настояла на том, чтобы их сожителство было блудным; кажется, она испытывала какое-то извращенное наслаждение, нарушая нормы морали. В общем, своим эпатажным поведением она и оттолкнула от себя отца. Но зачат я был им, Сергеем Захаровичем Плисаком. Даже внешне наше с ним сходство бросалось в глаза. А кроме того, я, представьте, умею столярничать, не так, как отец, но вот эти стены своими руками сделал. И стул, на котором вы сидите, тоже.

Спиридонов машинально бросил взгляд сначала на плотно пригнанные друг к другу доски выгородки (щели между досками можно было заметить, лишь присмотревшись), затем – на крепкий, добротно сработанный стул и кивнул.

– Узнав о беременности, мать попыталась прервать ее, – продолжил Ощепков, – но лишь попала в лазарет – видимо, я оказался ну очень живучим и еще более упрямым, чем она. В лазарете ее навестил Ипполит Свирчевский. Я хорошо знаю характер моей матери и уверен в том, что она не боялась ни Бога, ни черта, ни государя императора; но Ипполит Викторович Свирчевский оказался, вероятно, пострашнее всех троих. После его визита мать не делала больше ни одной попытки избавиться от меня, зато о том, что, если бы она могла, она бы меня удушила, утопила, расчленила и так далее и тому подобное, я слышал едва ли не с самых пеленок. Однажды я протянул ей топор и сказал: «Ну так давай начинай, раз ты меня так не любишь».

Она схватила топор, и я даже подумал – сейчас возьмет и раскроит мне череп... потом вдруг побледнела как полотно, словно призрака увидела... хотя какое там, призрак бы ее так не напугал, и отбросила топор, так что он расколол дверной косяк.

«Ненавижу, – прошипела она тихо, по-змеиному (она голос никогда не повышала, а говорила так, словно плевалась словами), – чтоб ты сдох, сучий сын, чтоб тебя чума забрала, ненавижу... но убить не могу. Радуйся, ублюдок».

Вот такие были для меня материнские ласки. А я все равно ее люблю, странно, правда? Но я могу объяснить: видите ли, Виктор Афанасьевич, мне ее жаль было.

Спиридонов остановил на Ощепкове взгляд.

Тот словно того и ожидал:

– Да, жалко. Легко жалеть тех, кого все жалеют. Кого явно жалко. Слепых, кривых, одноруких, одноногих, безруких, безногих... увечных, убогих. А вот тех, кто по своей жизни вроде и жалости-то не заслуживает, кто несчастен, но лишь по собственной глупости – поди пожалей таковых! Поди пожалей того, кто чуму тебе на голову призывает, кто доброго слова для тебя не находит даже тогда, когда ты его мочу из-под него убираешь. А ведь они тоже калеки. Без рук, без ног, с искалеченным телом жить тяжело, а с искалеченной душой – вдвое, понимаете?

Откровенно говоря, Спиридонов не понимал, о чем и сказал напрямую:

– Увы, нет. Не понимаю.

Ощепков вздохнул:

– Ну, тогда считайте, что я ее жалею потому, что она моя мать. Какая ни есть.

* * *

– Итак, у меня тоже был могущественный ангел-хранитель: штабс-капитан Свирчевский, – продолжил Ощепков. – Родился я аккурат на Рождество девяносто второго. В Малороссии, на родине моего отца, считают, что под Рождество рождаются оборотни, так что в какой-то мере моя судьба была предсказана уже самой датой появления на свет. Крестили меня в недостроенном на тот момент храме Покрова Богородицы, том самом, где и иконостас, и престолы, и все-все деревянное, вплоть до порога и наличника, было сделано руками моего отца. Крестными были Георгий Павлович Смирнов, старший писарь Управления войска Сахалина, и Пелагея Яковлевна Иванова, дочь надворного советника Якова Лукича, начальника таможи Александровского поста. Крестил сам сахалинский благочинный. Вот послушает это кто-то знакомый с сахалинским бытом, да и решит – прямо крестины сахалинского принца! – Ощепков невесело улыбнулся. – Настоящим моим крестным был, конечно, штабс-капитан Свирчевский. Вы как человек военный можете себе представить, какой властью был облечен мой патрон, собравший под не законченным еще куполом Покрова Богородицы звезды местного бомонда, чтобы крестить сына пусть и заметного, но все-таки обычного обывателя, прижитого им от какой-то там каторжанки!

Не спешите умиляться. Ипполит Викторович вовсе не был бескорыстным меценатом. Он действовал с далеким прицелом, и я был не единственным его «крестником». И все-таки я был баловнем судьбы, если можно так сказать. Да, я не знал ни материнской любви, ни отцовской. Почему? Знаете, от любви до ненависти один шаг. Когда терпение моего отца иссякло и он порвал с моей матерью окончательно, у него не сразу, но постепенно, открылись глаза на все ее выходки, которые он мужественно терпел два года с лишком. Из его стыда и унижения родилась жгучая ненависть. К моей матери он стал относиться будто к болотной гадюке – со страхом, с отвращением. А во мне видел не только свои, но и ее черты. Нет, меня он ни разу не попрекнул ничем, однако и с

распростертыми объятиями ко мне не бросался. Так что очень я удивился, узнав, что завещание оформил он на меня.

Любви родителей я не знал, но для Сахалина это скорее правило, чем исключение. Дети на Сахалине не благословение, но проклятие – кажется, это даже Чехов заметил, Антон Павлович. Все мы, сахалинские дети, были сорной травой на обочине, и до появления Свирчевского и иже с ним выбор будущего у нас был небогат: у мальчиков – или бутылка, или кистень и большая дорога, а чаще то и другое; у девочек же не оставалось никакого иного выхода, кроме как пополнить армию гордых владелиц «желтого билета». Ситуация слегка изменилась к лучшему с прибытием в восьмидесятом иеромонаха Ираклия, но в целом подобное положение сохранялось до тех пор, пока не появился Ипполит Викторович Свирчевский со своим проектом, похожим более на прожект.

Зато, в отличие от других сахалинских детей, у меня были крестные, да не абы кто, а из местной знати. Я был вхож в дома Смирновых и Ивановых, и они, казалось, таким крестником не брезговали, а я из кожи вон лез, чтобы соответствовать, несмотря на язвительные комментарии матушки. У Ивановых я подружился с другим их крестником, Трофимом, у них же мы с Трофимом и сыном Пелагеи Яковлевны, Сашкой, стали брать частные уроки у японца Ямаширо Фукурю, преподававшего сначала основы математики, геометрии и естествознания, а затем как-то незаметно ставшего учить нас японскому языку, обычаям и даже тому, что он сам называл «гимнастикой для здоровья тела». Так я познакомился с основами дзюудзюцу.

* * *

– Вы никогда не думали над тем, насколько человек свободен в своих поступках? – спросил Ощепков, глядя, как Спиридонов, отложив ручку, которой делал пометки в своем блокнотике, подкуривает очередную папироску. – Я уже говорил, что я человек верующий, хотя особо набожным меня не назовешь. Но я с детства чувствовал, что меня словно кто-то ведет за руку, только вот куда? Не на бойню ли, не к ужасному ли концу? Позже я решил, что это чувство возникло у меня потому, что с малых лет меня опекал штабс-капитан Свирчевский, но вот уж пятнадцать лет, как он пропал без вести – а все та же невидимая рука ведет меня... куда-то. Раньше, во всяком случае, все было проще. Я знал, что у меня есть крестные, есть опекуны – дядя Емельян и друг отца (и еще один узелок паутины штабс-капитана) Василий Петрович Костров, преподаватель

Новомихайловского реального училища, куда попасть мечтали многие, поскольку это был тет-де-пон, за которым начинался мостик на Большую землю...

Вот только мало у кого из сахалинских детей был такой шанс, а мне вот повезло, хотя никакое, конечно, это не везение, а лишь забота моего ангела в погонах. В конце концов я в этом училище и оказался, учебу оплатили в складчину крестные и опекуны. Отец умер, когда мне было только десять. Я не сильно горевал, поскольку совершенно его не знал. На то, что я могу получить наследство, я и не рассчитывал. Даже если бы я тогда знал, что отец составил завещание в мою пользу, все равно это мне мало что давало. Я же числился незаконнорожденным, и прямая воля покойного в мою пользу еще ничего не значила. Мне еще предстояло доказать имперским бюрократам, что я имею право быть субъектом наследования, а это было не так-то просто, и не единожды, увы, в таких глухих концах нашей необъятной страны имущество покойного отходило в казну, несмотря на безупречно составленное завещание.

А я ведь даже не знал о завещании и лишь в одном был точно уверен – до восемнадцати лет обо мне позаботятся опекуны, а там – живи, как знаешь. Средства мне выделялись по минимуму, но и на эти средства покушались, правда, в этом случае не чиновники. Мать третий год болела, плотно сидела на морфии, а он то и дело заканчивался. На этой волне она требовала, чтобы я все полученное от опекунов отдавал ей. Но мои опекуны, Костров и Владко, прекрасно понимали это, понимали и то, что родной матери я противостоять не могу, – вот и засунули меня от греха подальше, в реальное училище, где и оденут, и накормят, и напоят, а на руки средства давали только в крайний обрез.

Да только матушку-то не бросишь! И я крутился ужом – учился, да и работал, подрабатывал, где мог. Разгрузить кавасаки[5 - Тип небольшого рыболовного или каботажного японского суденышка, «родом» из одноименного японского порта.], помочь сладить забор, выкопать могилу – я тут как тут. Постепенно я прибилсь поближе к порту, так как работы там было не в пример больше, и чаще стал общаться с японцами, совершенствуя свой язык. Вскоре я довольно недурно говорил по-японски.

В этих заданных обстоятельствах учился я неплохо, но не блестяще, пока жива была матушка. Через два года та избавила меня от забот о себе, отдав Богу душу. В материальном плане мне от этого легче не стало, в отличие от моих опекунов. Меня как круглого сироту перевели на казенный кошт, жить я стал в

общем жительстве при школе, так как дальнейшая оплата жилья, которое мы с матушкой занимали, была опекунами сочтена нецелесообразной. Смешная ситуация – в Александровске мне по завещанию принадлежали, не считая отцовского, два доходных дома отца, но я об этом не знал и жил в казенной казарме; мне причиталась неплохая сумма сбережений, но я пребывал в нужде, хоть особенно этой нуждой не тяготился. Странно, матушка часто пугала меня, что выгонит на улицу, что я сдохну под забором, но, будучи фактически вышвырнутым, пусть и очень мягко, не имея в своей собственности ровным счетом ничего, ведь даже одежда моя была казенной, я не чувствовал себя каким-то ущемленным. Грех, конечно, так говорить, но с уходом матери у меня возникло такое облегчение, словно тяжесть сбросил с плеч.

Иногда я думал, почему мои опекуны, люди не злые и не корыстолюбивые, поступали со мной так. Мне кажется, меня просто не хотели баловать. В юности легко приобретать дурные наклонности, а у меня еще и наследственность была сомнительная. Это первая из причин. Но есть вторая...

Спиридонов подумал, что Ощепков слишком снисходителен к своим опекунам. Ведь совершенно понятно, что те его «обували», это ясно, как божий день. Но Ощепкову о своих выводах он говорить не стал, сделав мысленную пометку. Он твердо знал про себя одну вещь: по тому, как человек судит о других, можно узнать его самого. Если человек быстр на обвинения, скорее всего, его самого есть в чем обвинить. Тогда как чистые сердцем люди больше стараются оправдать ближнего. Так что Ощепков, не зная об этом, заработал от Спиридонова плюс к своей репутации.

Он откинулся на спинку стула и коротко помечтал:

– Вот бы сейчас чайку... Вообще-то, – воодушевился он было, – внизу есть примус, вода и чай, только с сахаром негусто.

– Давайте подождем окончания тренировки, – тоном нетерпения наступил на его «мечту» Спиридонов. – Вы сказали, что есть еще одна причина...

– И вам не терпится узнать какая, – озорно поддакнул Ощепков. – Она банальна: меня буквально выпихивали с Сахалина. Но выход с Острова Сволоты был только один. В объятия штабс-капитана Свирчевского.

Я говорил вам, что у меня был друг, Трофим Юркевич? Да вы наверняка это знаете. Трофим для ОГПУ человек известный. Он старше меня на два года, и мы с ним крепко сдружились. А потому я по-настоящему ощутил себя одиноким, когда Трофим с Сахалина исчез. В один прекрасный день мне сказали, что они с братом отбыли восвояси, а куда – не объяснили. Я терялся в догадках и чувствовал себя по-настоящему одиноким и брошенным. В свободное время я забегал в гости к старику Фукурю, все так же жившему в Александровске. Он и приоткрыл мне завесу тайны о судьбе моего друга, да только я ему не поверил. По его словам, Трофим с братом решили поступить в токийскую семинарию. Я бы подумал, что старик надо мной насмехается, но юмор и Фукурю были несовместимы, как тьма и полярный день.

Однако я ему все равно не поверил... Я даже не представлял себе, что в Японии есть семинария. Оказалось, есть. Вот тогда я и сам задумался – а не махнуть ли мне в Японию? На Сахалине мне делать нечего, на Большой земле меня никто не ждет. Какая разница, где жить? И я стал еще прилежнее учить японский и больше практиковаться; в придачу я начал посещать старого иеромонаха Ираклия, чтобы узнать, что нужно, чтобы стать священником.

Ощепков коротко хохотнул:

– Я тогда всерьез об этом думал, правда. Мне, Виктор Афанасьевич, выбирать было не из чего. Если можно стать священником – почему нет? А потом, в один из зимних дней, конечно, без предупреждения, вернулся Трофим. Уж я и обрадовался!

Вернулся он, кстати, изменившимся до неузнаваемости. Вместо неотесанного сахалинского пацана передо мной предстал благородного вида юноша. Впрочем, внутренне Трофим не изменился ни на йоту, и наша дружба никуда не делась. Потому, когда я спросил его о причинах произошедших в нем перемен, он ответил с серьезным видом:

– Я, брат, в попы собрался. – После чего не выдержал и расхохотался.

– Ну, а серьезно? – не унимался я. – Я, может, сам не прочь принять сан.

Благо я над этим уже раздумывал. А Фукурю-то, выходит, мне не соврал! Чудны дела твои, Господи! Где Трофим Юркевич, а где священный сан. Правда, мне

легче было представить себе котика[6 - Имеется в виду морской котик – разновидность ушастых тюленей. Раньше в изобилии водились в Охотском море и на Тихоокеанском побережье, подвергались варварскому промыслу, ныне занесены в Красную книгу, охраняются государством.] в японской военной форме, чем Трошку в рясе и с епитрахилью.

- Шутишь, – сказал Трофим задумчиво. – А если не шутишь...

- То что? – спросил я. – Возьмешь меня с собой?

- Эх, брат, – ответил Трофим. – Все не так просто, как кажется. А ты действительно мечтаешь исповедовать, причащать и отпевать?

- Не так чтобы очень, – честно сказал я, – но, чтобы отсюда удрать, я готов не то что в попы – в кочегары на пароход. Seriously – смотрю на заходящие в наш порт суда и думаю: может, рвануть отсюда куда-нибудь в теплые страны? Меня пока вроде к Сахалину гвоздями не прибили...

Трофим в мгновение ока посерьезнел:

- Тогда тебе надо пообщаться кой с кем. Ты с Ипполитом Викторовичем знаком? Со Свирчевским?

- Нет, – ответил я. – И понятия не имею, о ком ты.

- Странно, а он о тебе постоянно спрашивается, – удивился Трофим. – Они с батюшкой твоим покойным давние знакомцы.

- Тогда, пожалуй, он моего отца знает получше меня самого, – ответил я. – Сам знаешь, старик любой из своих досок больше внимания уделял, чем мне. Я ведь даже фамилию ношу матушкину, а не его.

Трофим вздохнул: мои семейные перипетии ему были известны, он даже от матушки моей успел получить пару раз трепку, когда та еще пребывала во здравии.

– Как бы то ни было, пообщаться с Ипполитом Викторовичем тебе стоит, – перевел он разговор на другую тему. – Это он мне Японию сосватал. А тебе так и сам Бог велел. Что тебе здесь прозябать?

– Ну да, – ответил я. – Кадилом махать всяко лучше.

– Кадилом, дружок, машут дьяки, – усмехнулся Троша. – Ты ровно не православный. Вот что, я к тебе завтра забегу, скажу, как тебе с Ипполитом Викторовичем стакнуться, лады?

– Путем, – ответил я и стал ждать...

* * *

Снизу слышался шум. Спиридонов насторожился, и Ощепков это заметил:

– Не обращайтесь внимания, это ребята на занятия собираются. Небось Ярошенко с Федоровым первые пришли. Они здесь на железке механиками работают, идти им всего ничего.

– Так, может, пока прервемся? – предложил Спиридонов.

– Непременно, но минут через десять, – ответил Ощепков. – Пусть соберутся пока. А вы покурите, в зале я строго-настрого это запретил. Хотя вы и гость и правила на вас не распространяются, но...

– Ну что вы, – остановил его Спиридонов, доставая очередную папироску. – Вы абсолютно правы, у меня никаких претензий, я и без того вам благодарен. Порядок есть порядок. Так что там дальше произошло?

Фигура штабс-капитана Свирчевского очень заинтересовала Спиридонова. Следует его проверить, сделал он для себя мысленную отметку. Кто таков? На чьей стороне в Гражданскую воевал? Случайно не колчаковец ли?

Ощепков словно читал его мысли:

– Вас небось заинтересовала личность моего «ангела»? Я расскажу вам о нем все, что знаю. Хотя бы потому, что, не будь в моей жизни Свирчевского, я не был бы тем, кем стал. Виктор Афанасьевич, вы смотрите на меня и видите человека, кажущегося простым и бесхитростным, как крестьянин Пермского края, взятый непосредственно от сохи; но вы немного знакомы с моей биографией, а потому наверняка относитесь ко мне с подозрением. Не спорьте, вы меня этим нисколько не задеваете, – добавил он, видя, что Спиридонов готов ему возразить. – Вы думаете, в чем же подвох, вы подозреваете наличие у меня какого-то «второго дна», шкафа, набитого скелетами...

Мой секрет, Виктор Афанасьевич, в том, что я как раз такой, каким вы меня видите. У меня нет второго дна, все на поверхности. Я предельно откровенен с вами и ничего не скрываю. Знаете почему? Все просто: тот, кто скрывает, дает повод искать. У меня все на поверхности, и тот, кто захочет что-то найти, ничего не найдет, кроме этого. И этой хитрости, если ее можно так назвать, научил меня штабс-капитан Свирчевский.

Я рожден для дзюдо; полагаю, вы тоже. Ипполит Викторович родился, чтобы быть разведчиком. В его личности воедино и неразрывно сплелись качества на первый взгляд противоположные – патриотизм и авантюризм, честность и лукавство, верность и предприимчивость, педантичная серьезность и артистизм. Скажете, такого не бывает? Возможно, данное сочетание качеств встречается однажды на биллион, но мне оно попало, воплотившись в Свирчевском. Это был необычный человек...

Мы встретились с ним в одном из александровских трактиров. На острове питейные заведения закрывались с заходом солнца... по крайней мере, официально. Мы встретились после закрытия. Свет в зале почти был погашен, горела лишь одна керосинка на столе у Свирчевского. В полутьме я его увидел впервые.

Невысокий, рябой, рыжевато-русый, но уже седеющий, отчего казался пегим. У него были невыразительные серо-голубые глаза, впрочем, цвет их сильно зависел от освещения. Днем они казались голубыми, ночью – серыми, как тень.

Вы бы ни за что не узнали его в толпе. Я был сильно удивлен, узнав, сколько у него было женщин. Удивлен я был потому, что был молод. Потом, когда подрос, понял, почему по-другому и быть не могло. Свирчевский был не просто человеком – сила его личности поражала, но не подавляла, как это часто бывает.

– Вы говорите о нем в прошедшем времени, – заметил Спиридонов. – Почему? Он умер?

– Вероятнее всего, да, – ответил Ощепков. – Но я не удивлюсь, если нет. Я потерял его след с началом Великой войны. Видите ли, у Ипполита Викторовича некогда была мечта. Он, служащий контрразведки, видел, как легко германцы и австрияки развивают на территории Империи свои агентурные сети. А как иначе? Посмотрите списки офицеров Российской империи: каждая третья фамилия – либо немец, либо остзеец, что и того хуже. Молодой и горячий тогда еще поручик Свирчевский задумал создать такие же сети в обоих наших «дружественных» сопредельных государствах. Увы, идея попала не в те руки. Говорят, Витте, ознакомившись с прожектом Свирчевского, был вне себя от ярости. Что вы хотите? Активный западник, да к тому же остзейский немец. Даже хорошо, по-моему, что эти территории нам не принадлежат более – сколько с этими остзейцами было проблем!

– Однако немало остзейцев верно служили Империи! – возразил Спиридонов.

Ощепков с ним согласился:

– А я и не спорю. Но это только часть, а другая часть спала и видела новый Ливонский орден. Как бы то ни было, Свирчевского по личному указанию Витте отправили туда, куда Макар телят не гонял: на Сахалин. Официально – во имя сбережения его жизни. По сути – чтобы не донимал дурными идеями.

Однако Ипполит Викторович был не из тех людей, кого таким назначением можно было выбить из колеи. На новом месте он с новыми силами приступил к решению новой задачи и вскоре, как паук, опутал своими сетями каторжный мир. Имея на этом поприще несомненные успехи, он, однако, не отказывался и от других своих прожектов. Свирчевский был дальновидным человеком, впрочем, о том, что рано или поздно Россию и Японию столкнут друг с другом, на Дальнем Востоке не догадывался разве слепой или блаженный. Тут Ипполит Викторович и стал обращать внимание начальства на состояние дел в отношении разведки и контрразведки Приморья и Забайкальского края...

Снизу раздался смех – смеялись несколько молодых людей. Ощепков улыбнулся, словно и сам слышал ту шутку, над которой хохотали его подопечные.

– Ах, как не хочется прерываться, – проговорил он с досадой. – Но надо. Ребята собрались, ждут.

Спиридонов встал и сказал с не меньшей досадой:

– Ну вот... на самом интересном месте.

Ощепков энергично кивнул:

– Ладно. Подождут еще немного, с них не убудет, а я вам доскажу, как впервые встретил Свирчевского. Он сидел за столом, одетый по-простому, как любой сахалинский мастеровой, и тасовал колоду карт. Не здороваясь, он сказал: «Вася, хорошо, что ты пришел. Давай, я тебе погадаю?»

И протянул мне колоду, предложив снять. Я помимо воли сдвинул часть колоды, и он продолжал тасовать, пока я садился. Тем временем молчаливый халдей принес и поставил передо мной тарелку щей с мясом. С учетом того, как я питался на казенных харчах, это было настоящей роскошью. Поймите, мне было тогда двенадцать то ли тринадцать лет. Точно не скажу, с цифрами у меня плохо, так что даже записывать приходится...

Спиридонов вспомнил некоторые отчеты, которые присылал агент ДД... Либо Ощепков лукавил, что маловероятно, либо ему стоило огромного труда их составлять, а ведь эти отчеты, несомненно, были точнее некуда. Ощепков даже ухитрился передать Ревкому данные японского крейсера «Хирадо», заходившего в Корсаков, со всеми футами, милями и лошадиными силами.

– В общем, от такого дара небес я отказаться не мог и стал наворачивать щи с жадностью дорвавшихся до рябчиков потомков Авраама. Свирчевский тасовал карты не глядя, а смотрел на меня и улыбался при этом. Когда я вытер плоску куском хлеба (вся трапеза у меня больше пяти минут и не заняла), он сказал:

– Ну что ж, подкрепился? Хорошо, теперь раскину я на тебя колоду.

И вытащил червонного короля.

– Вот ты, молодой, красивый. И было у тебя в жизни... – он положил поверх «моей карты» три штуки веером – король пик, дама пик, десятка той же масти, – сплошное вот это.

Я кивнул: карты действительно прекрасно описывали мое прошлое. Свирчевский глянул на меня и сказал:

– Но теперь все по-другому, поскольку появился у тебя на пути...

Сверху над моими картами лег трефовый король. Казенный человек, погонник. Кто ж на Сахалине этого не знает? А Ипполит Викторович продолжил:

– И есть у тебя, милый мой, два варианта. Первый вот.

Справа легли три карты. Трефовый валет – казенные хлопоты; пиковая восьмерка – тревоги, опасности и – червонный туз, успех в делах.

Свирчевский внимательно взглянул на меня, понял, что я расшифровал его сдачу, и положил слева тоже три карты – шестерки пик, трэф и бубей.

– А это второй, – ответил он. – И какой ты выберешь?

Три шестерки. Три дороги – казенная, денежная да напрасная. Конечно, никакое это было не гадание, я же не шестилетний, чтобы этого не понимать? И послание читалось вполне явственно: или я иду служить на казенную службу, опасную, но в итоге сулящую мне успех, или никто мне ничего не должен, и вся моя жизнь будет сплошной беготней за достатком, спокойствием, устроенностью.

– Да тут и дурак выберет, – сказал я. – Киньте еще карту на правую сторону.

Свирчевский сдал. В сдаче оказалась трефовая десятка, деньги. Если бы я и сомневался в том, что он мне хотел сказать, теперь мне все было предельно ясно.

– Мне нужно будет поехать в Японию? – уточнил я.

Свирчевский кивнул:

– Понимаю, что ты в попы не метишь. Насильно в рясу тебя никто не обрядит. Тебе в Японии нужно будет стать не попом, Вася.

– А кем же? – уточнил я на всякий случай.

–оборотнем, – серьезно сказал Ипполит Викторович, чуть подавшись вперед. – Как я, но более «узкой профили», как говорят штабисты. Будешь обращаться из русского в японца, но не по воле фазы луны, а по велению штаба Забайкальского военного округа.

– Да смогу ли? – усомнился я.

– Сможешь, Вася, – улыбнулся Свирчевский. – Парень ты головатый, и даром, что ли, я тебя всю жизнь готовил к этому?

Должно быть, я уставился на него, как буддийский монах на живого Будду, потому что он опять улыбнулся:

– Да я за тобой с рождения слежу почище, чем ангел-хранитель. И крестных тебе ладных сосватал, и опекунов, и папеньку твоего уговорил завешание на тебя оформить, не говоря уж о том, что маменьку застращал, чтоб она тебе голову ненароком не отбила, с нее случилось бы, царство ей небесное. Да и в реальное училище я тебя приткнул. Думал, будешь мастеровым, как-то пропихну тебя поужнее Корсакова. Но тут, брат, оказия случилась: есть у нас в Японии свой человек, у него и поучишься. Хоть поп, а в люди выведет, соль земли. Он тебя дальше и распределит, придумает, как из тебя японца сделать. Он воду в кровь превращает, русского в японца ему обратить – раз плюнуть!

Глаза Свирчевского смеялись, я же был сбит с толку. Я все-таки был простой сахалинский нахаленок и к таким политесам непривычный. И, сказать честно...

Ощепков потупился:

– Свирчевский, наверно, и Вельзевула бы завербовал шпионить в аду на благо Царя-батюшки. Жаль, такой человек пропал! Он один десятка стоил, если не

сотни. Уж я-то знаю.

Затем махнул рукой и встал:

– Идемте, что ли, а то ребята нас, поди, заждались. А как закончим – расскажу вам о Кодокане, вам ведь не терпится?

Спиридонов кивнул и, вставая, спросил:

– А что ж с ним стало-то, Василий Сергеевич? Со Свирчевским.

Ощепков остановился у дверей и обернулся к Спиридонову:

– Говорю же, наверняка сгинул... Знаете, Виктор Афанасьевич, вот я – разведчик. Видал я многих иностранцев – японцев, китайцев, англичан, американцев, французов... Беседовал с ними накоротке, доверительно, и вот что скажу вам: нет у нас там друзей. В лучшем случае не враги, хотя те же янки с семнадцатого по девятнадцатый ухитрились свои фактории от Берингова пролива до Колымы расставить, а все поют, мол-де, Россия для них друг и брат, а Советская – так и подавно! [7 - В 1920–1930 годах США оказывали Советской России обширную военно-техническую помощь; так, известные автомобили марки «ГАЗ-А» и «ГАЗ-АА» производились по лицензии корпорации «Форд», а завод был построен со значительным участием американских специалистов, и это только наиболее известный пример.] Покуда у России есть ее бескрайние просторы, покуда недра скрывают несметные богатства, не будет у нас друзей за границей. Но главная наша угроза отнюдь не из-за рубежа. Главный наш враг не в Польше, Германии, Британии или Америке.

Главный наш враг, Виктор Афанасьевич, это наш домашний, выросший на нашей земле чинуша, бюрократ и хапуга. С внешним врагом русский народ всегда справится, а вот внутренний в разы опаснее. Такие, как Витте, Безобразов, Стессель, – вот кто самые страшные наши враги. Не видящие дальше своего кармана, рассматривающие свое место как некую вотчину для собственного обогащения. Я не призываю никого быть бессребрениками! Конечно, человек должен думать и о своей семье, да и о себе не грех.

Однако есть те, кто понимает, что страна, в которой ты живешь, – это твой дом, твой, твоей семьи, твоих детей. А значит, делая ее лучше, ты в конечном счете

заботишься и о своих близких, и о себе самом. Вот такие люди и должны быть у власти, более того: не только у власти, этого мало! На каждом месте, от дворницкой до Кремля!

Но, к сожалению, есть те, кому жадность и зависть застят глаза и помутняют рассудок, лишая возможности жить по здравому смыслу. И эти люди, получив любую толику власти, стремятся урвать, нахапать, выжать все соки из того, до чего дотянулись их загребушие руки, а до дела им дела нет! И чем больше таких у руля, тем больше у наших друзей по ту сторону границы соблазна попытаться урвать кусочек наших богатств – потому что от слабого руководства, недалёковидного и думающего лишь о сиюминутном своем, страна слабеет. Если бы не эти ничтожные эгоисты, мы бы никогда не проиграли в Русско-японской войне, да что там – никакой революции в стране не было бы вовсе.

Вы были в Порт-Артуре, вы видели, что представляет собой крепость. А почему? А потому, что у наместника без многомиллионных выплат «за комиссию» ничего не решалось. А когда жареный петух клюнул, отбиваться приходилось берданками и картечницами. И в Великую поначалу было то же, да Государь-то уже немного поопытнее был. Взял этих подколотых рвачей в ежовые рукавицы, вот они его и убрали, когда ясно стало, что война вот-вот закончится, а по итогам многим может перепасть на орехи...

Спиридонов не мог с ним не согласиться – в душе; высказывать подобные мысли вслух он не решился бы. Все-таки хоть он и занимался в ОГПУ только подготовкой кадров, но слепым отнюдь не был и прекрасно понимал, что за такие мысли можно было легко угодить не то что в края, где солнце по полгода не заходит, но и куда подальше. Например, туда, где, по слухам, человек, распятый некогда вниз головой, ныне работает кем-то вроде привратника.

– И какое это отношение имеет к Свирчевскому? – спросил он.

– Самое непосредственное, – ответил Ощепков, словно очнувшись и пропуская его за дверь. – Как началась Великая война и стало ясно, что в России работает целая сеть германо-австрийской агентуры, кто-то в Петербурге вспомнил про Свирчевского и его прожекты. Ему дали генеральское звание и отправили на запад с предписанием реализовать задуманное, то есть ни много ни мало развернуть прямо во время войны агентурную сеть у врага в тылу. А заодно и поймают агентов противника в нашем. В общем, догнать паровоз и отремонтировать ему крейцкопф[8 - Деталь паровоза, передающая движение от

поршня колесам, постоянно перемещается в процессе движения паровоза.] на ходу, с выражением напевая при этом «Боже, Царя храни». Сами понимаете, чем это могло закончиться, так что, полагаю, по Ипполиту Викторовичу впору заказывать панихиду. Даже с учетом его невероятного везения.

Пока Ощепков произносил все это, они со Спиридоновым спустились в зал, где их ожидали около двух десятков разновозрастных молодых людей.

– Пока на этом прервемся, – сказал Ощепков, – а после тренировки я расскажу вам о Кодокане. Так даже лучше, нагляднее, так сказать. А вот и мои ребята, знакомьтесь.

Глава 3

Соединение веры и причастия

Собравшиеся в зале были в подавляющем большинстве молодыми людьми; насколько Спиридонов мог судить, самому старшему среди них было не больше тридцати – тридцати двух лет, а самый младший еще не носил усов. Ощепков представил его, а затем по очереди представил ему своих учеников. Звал он их по именам и после знакомства давал короткие указания, с которыми ученики тут же шли на татами. У одного из юношей он осмотрел кисть, пошевелил пальцы, после чего удовлетворенно кивнул и отправил тренироваться.

Спиридонов слушал Ощепкова, наблюдая за его подопечными. Признаться, он был несколько разочарован: он слышал от Фудзюки, как тренируются в Кодокане, и ожидал увидеть что-то больше похожее на ритуал. Вместо этого у него перед глазами предстало нечто наподобие его собственной системы: всю первую половину занятий ученики Ощепкова занимались самоподготовкой – сначала силовой, с включением элементов на реакцию и растяжку, затем – специальной, с отработкой элементов базовых движений. Ощепков уделял больше внимания именно элементам, порой «разбирая» прием на составляющие и отрабатывая каждую. Для неспециалиста все происходившее на татами показалось бы бессмысленной суетой, мельтешением, но Спиридонову давало обширный материал для анализа.

Он тут же отметил, что Ощепков тоже не подгоняет воспитанников под японские каноны, а разработал для них варианты оригинальных приемов, учитывающих физические отличия европейца от азиата. Но Василий Сергеевич, кажется, шагнул еще дальше: его бойцы выполняли одни и те же приемы немного по-разному, однако Спиридонов не мог бы сказать, что они выполняют их неправильно. Нет, они просто делали захваты с учетом собственных параметров и, как выяснилось впоследствии, параметров соперника.

Когда все разошлись по своим местам, Спиридонов тихонько спросил у Ощепкова:

– Вы разве не только эркаэмовцев тренируете?

– Что вы, конечно нет! – Ощепков отвечал, не глядя на Спиридонова: он смотрел за ребятами. – Всех желающих. Это осоавиахимовская группа, одна из двух. Здесь, кстати, из милиции только двое.

– Что так? – удивился Спиридонов.

Ощепков пожал плечами:

– Должно быть, из меня никудышный организатор. Я так и не смог заинтересовать губуполномоченного программой подготовки кадров. Несмотря на рекомендации с Дальнего Востока. Товарищ Соловьянов считает, что все это баловство. По-моему, он и ко мне относится с подозрением.

Что, кстати, было чистой правдой – помянутый Соловьянов давал Ощепкову характеристики не то чтобы нелестные, но и от сочувственных весьма далекие. С другой стороны, «специалист-японист» в Губуправлении ОГПУ Новосибирска был нужен примерно как санки в джунглях Амазонки.

– Вам бы следовало по этому поводу обратиться в Управление по делам Сибири и Дальнего Востока, – возмутился Спиридонов. С его точки зрения, Соловьянов допустил явную недальновидность, пожалуй, даже халатность.

Ощепков махнул рукой:

– А зачем? Пока бумага пойдет по инстанциям, пока обратно... сменят Соловьянова, поставят еще кого-то, тому еще поди докажи. Трофимов, не надо так резко, мягче! Не дрова рубишь!

– Так что ж, по-вашему, ничего и не делать? – Подобный подход к делу Спиридонова не радовал. Он вообще остро реагировал на чью-то непрофессиональность, люди «не на своем месте» его раздражали. – Сами только что говорили правильные слова о бюрократах...

– В том-то и дело, что Евгений Сергеевич не бюрократ, – возразил Ощепков. – Но на подъем тяжел и к новшествам относится настороженно. К чему портить человеку жизнь? А делать, так я делаю... Простите.

Он подошел к татами:

– Чапкин, Грязнов, довольно. Отрабатываете в паре яма араси[9 - «Буря в горах» – передний подхват под обе ноги с захватом за рукав и одноименный отворот – прием в дзюдо, входящий в раздел бросков, группу бросков из стойки, класс бросков, для проведения которых в основном используются руки.] и харай гози[10 - Подхват под обе ноги (бросок через поясницу сметающим движением ноги).] поочередно.

Двое юношей постарше (и из наиболее обученных, что заметил Спиридонов) немедленно прервали свои упражнения, коротко поклонились тренеру, вызвав у Спиридонова воспоминания о Фудзюки, после чего стали друг против друга и вновь поклонились – друг другу. Спиридонов ими залюбовался – видно было, что ребята хорошо подготовлены.

– Мои лучшие, – подтвердил Ощепков. – В этой группе, конечно. Грязнов, кстати, эркаэмовец, а Чапкин в ремесленном учится, а работает на станции обходчиком.

– Учится, работает... когда он все успевает? – невольно удивился Спиридонов.

– Хорошая организация, – кивнул Ощепков. – От природы, даром что из беспризорников.

Он отвел взгляд от татами, отвернувшись от Спиридонова, и сказал тихо:

– Самородок, а ночует то на вокзале, то здесь... У меня ночевал, пока у жены туберкулез не открылся... – Ощепков потупился. – Дома своего нет, говорит, с шести лет мыкается. Занесла его нелегкая в наши края, а родом-то откуда-то с юга, то ли малоросс, то ли из донских краев, он и сам уж и не упомнит...

Виктор Афанасьевич хотел было что-то сказать Ощепкову, но тут же забыл, глядя, как беспризорник, ухватив напарника из милиции за пояс, делает переднюю подсечку. Работа была выполнена безукоризненно – его напарник, несомненно, знал о намерениях своего противника, но ничего сделать не смог. И тем не менее Ощепкову что-то не понравилось:

– Витя, кисть не заламывай, не ровен час, связку потянешь. Ну-ка, еще раз. Олег, не стой соляным столбом, по тебе видно, куда ты уходить собрался! Дзюудо – это вам не уличная драка, здесь думать надо. Дериглазов, Шимонович, о-сото макомэ[11 - Отхват с захватом руки под плечо, «наматыванием» на себя противника и падением на бок.] и ути макомэ[12 - Бросок с захватом руки под плечо изнутри, «наматыванием» на себя противника и падением на бок.] последовательно. Потом меняемся партнерами. Геращенко, тренируй сокуто-атэ[13 - Удар внешним ребром стопы.].

– Чего? – переспросил бритый под Котовского Геращенко.

– Удар ребром стопы, – спокойно пояснил Ощепков, и Геращенко кивнул.

– Я бы все приемы переименовал, – задумчиво сказал Ощепков. – Только пока не знаю как, слишком длинно получается.

– Я пришел к тому же выводу, – сообщил Спиридонов. – Увы, бывают прекрасные бойцы, но с памятью девицы на выданье.

– А у меня и неграмотные в группах есть, – кивнул Ощепков. – Вам-то с эркаэмовцами проще, а у меня осоавиахимовцы, с бору по сосенке. Пока они все эти премудрости выучат...

– Ничего, переедете в Москву, подберем вам толковых ребят, – пообещал Спиридонов.

Ощепков глянул на него долгим взглядом, нахмурившись:

– Нет уж, Виктор Афанасьевич. Я не из тех, кто ищет легкие пути, потому что...

Раздался громкий звук падения чего-то тяжелого и сдавленный полувскрик-полустон. Спиридонов еще и не сориентировался, а Ощепков был уже на татами. Спиридонов не сразу понял, что произошло, как Ощепков броском через бедро отправил одного ученика на пол и наклонился ко второму. Тот пытался встать. Ощепков осторожно его уложил обратно, пройдясь пальцами по макушке и темечку, спустившись затем к шее. После этого приобнял парня за плечи и помог встать.

Остальные ученики, оставив занятия, окружили Ощепкова и товарищей (второй парень, брошенный Ощепковым через бедро, тем временем осторожно поднялся на одно колено, но дальше пока не вставал – вероятно, голова закружилась). Когда первый ученик встал, Ощепков, не меняясь в лице, помог встать и второму.

А затем приказал всем сесть. Группа села по-японски, на пятки. Сел и Ощепков. Спиридонов решил, что ему одному стоять как-то неловко, и тоже присел по-японски, подумав, что не сживал так уже два десятка лет с лишком. А также о том, что так и не научился толком, потому что это, черт возьми, очень неудобно.

– Витя, – обратился Ощепков к участникам разыгранного на татами действия, – я что-то говорил об отработке силовых захватов?

К удивлению Спиридонова, ответил тот парень, которому Ощепков помогал встать первому:

– Нет, учитель, но...

– У тебя не получалось сделать переднюю подсечку, – мягко сказал Ощепков. – Я понимаю, Витя, но я не просто так ставлю тебя с Васей. Вася опытнее, но, главное, хладнокровнее тебя.

При этом Ощепков бросил быстрый взгляд на «опытного» Васю. Тот потупился и даже, кажется, слегка покраснел.

– Я понимаю, Витя, что с Васей тебе справиться нелегко. Но, во-первых, жизнь никогда не интересуется, легко тебе или нет, когда сводит нас с каким-нибудь противником, а во-вторых, если я подбираю тебе такого противника, значит, я верю, что ты способен справиться. Хотя, кажется, ты решил сделать все, чтобы я в этом разуверился.

А вот Витя точно покраснел, да как! Словно его густо намазали свекольным соком ото лба до ключицы.

– Зачем мы здесь? – спросил Ощепков, обводя взглядом собравшихся. – Чтобы научиться драться? Неужели вы думаете, что умение драться решит все ваши проблемы? Это глупо. Но дзюдо может сделать для вас намного больше – не только драться научить. Жить научить.

В зале было тихо, как в полночь на кладбище.

– Здесь вы учитесь преодолевать препятствия, переносить трудности, бороться. Рано или поздно вы должны понять, что ваш соперник – не враг, более того, он ваш самый близкий друг. Потому что именно он помогает вам перебороть и победить главного врага – себя самого.

Все наши неудачи происходят из того, что мы чересчур любим себя. Но когда-то великий воин далекой Японии, Миямото Симмэн[14 - Японский ронин, лучший фехтовальщик в истории как минимум Японии. Основоположник самурайской школы боя на двух мечах, автор «Книги пяти колец» – философского трактата о военном искусстве. Более известен по имени провинции, из которой происходил, как Миямото Мусуаси.], сказал великие слова. Лучшим воином является тот, кто чувствует себя мертвым. Мертвому ничего не надо, мертвый ничего не боится. Заходя на татами, мы умираем, умираем для внешнего мира и его чувств. Вы снимаете обувь, входя в этот зал, но этого мало. Вы должны снимать там же свой гнев, свое тщеславие и самолюбие.

Спиридонов посмотрел на свои сапоги и почувствовал, что краснеет. И Ощепков, и его ученики на татами были босыми. Как и когда снял обувь Ощепков, Спиридонов не заметил, а ученики, должно быть, разувались сразу на входе в зал; ботинки, накрытые оборками, сапоги с торчащими из них портянками и даже пара лаптей из серой бересты лежали у самого входа в помещение.

– Потому тот, кто разгневался, тот, кто пожелал во что бы то ни стало победить соперника, уже проиграл, – продолжил Ощепков, а Спиридонов представлял себе заваливающиеся на борт под огнем эскадры Того пылающие броненосцы Рождественского и тихонько кивал. – Победа не в том, чтобы непременно выбить дух из противника, победа в том, чтобы ни один противник никогда не мог выбить дух из тебя! Для того и нужны соревнования. Встречаясь с равно сильным, мы становимся сильнее, встречаясь с равно умелым, мы учимся новому, а победы в этой схватке нужны лишь для того, чтобы захотелось вновь и вновь повторять бой. На этом белом квадрате нет врагов! Здесь никто никому ничего не доказывает, никто никого не побеждает и не принуждает. Это место, где вы причащаетесь умению и способности защитить сами себя и друг друга.

«Он думает, что они поймут все это?» – задал себе вопрос Спиридонов. Он смотрел на простые лица ребят из группы Ощепкова, и они казались ему слишком уж примитивными для того, чтобы усвоить такую науку. Кроме разве что некоторых – эркаэмовца Грязнова, беспризорника Чапкина, Васи и еще парочки. А вот тезка Спиридонова, попытавшийся выполнить силовой захват и рухнувший при этом на татами, внешне был чистой воды уркаганом, да еще и с внешностью дикого черкеса. Зато Спиридонов не считал, что Витя был так уж и не прав, пытаясь любой ценой опрокинуть Васю. Точнее, это желание было ему по-человечески понятно.

Но в целом со словами Ощепкова он был согласен. Поняли их его ученики или нет, Спиридонов сказать не мог, но думал, что вряд ли. Какое-то время было тихо, затем уркаган Витя сказал негромко, но в тишине зала слышно было хорошо:

– Учитель, откуда нам знать, как это? Мы учились драться на улице, там физиопопия совсем другая...

– Философия, – поправил его Ощепков, улыбнувшись. – Но вообще-то ты прав, Витя.

Он кашлянул, возможно, специально, привлекая внимание к своим словам:

– Одной из важнейших задач нашей школы как раз и является задача отучить вас драться... точнее, не только драться – а жить по-уличному. Помните, как на самом первом занятии я просил вас, каждого, запомнить нечто важное?

Ребята закивали, а Спиридонов поймал себя на мысли, что Ощепков будто его цитирует! А поскольку в телепатию он не верил, оставалось предположить лишь одно – они мыслили сходным образом! Неожиданно это оказалось очень приятно – знать, что кто-то мыслит так же, как ты. Что у тебя есть единомышленник. Соратник.

– А что? – спросил Ощепков.

Первым ответил спиридоновский тезка:

– Никогда не бить первым.

– Вы уже много занимались и многое узнали, – сказал Ощепков. – Вы поняли, почему я просил вас об этом?

Стало тихо; никто не решался ответить первым. Наконец заговорил все тот же Витя:

– Мы должны использовать силу врага... против него самого, правильно?

– Отчасти, – ответил Ощепков. – Не просто силу. Человек или даже целое государство, решившее напасть на кого-то, сразу становится слабее. Такова человеческая природа. Такие вещи, как справедливость, заложены в нее, намертво пришиты к ней. Нападающий, конечно, знает, что не прав, а кто прав – тот и сильнее. Потому в нашей борьбе мы должны руководствоваться принципами справедливости.

Вот как просто! Ощепков понятными словами высказал то, что он чувствовал, что пытался донести до учеников. Спиридонов все сильнее ощущал какое-то родство с ним, словно неожиданно нашел брата, с которым был разлучен в малом детстве. Они понимали друг друга без слов, они жили по законам иного мира, общего для них и чужого для других.

– Василий Сергеевич, – мягко сказал он, – иногда проще один раз показать, чем много раз рассказать. Давайте мы с вами проведем показательный поединок, дабы у ребят не сложилось какое-то толстовское понимание нашей системы. Пусть они увидят, что даже самое серьезное противостояние можно проводить

без злости и желания победить противника любой ценой. А потом я еще им несколько слов от себя скажу, уговор?

* * *

Такой противник у Спиридонова был впервые.

Фудзюки Токицукадзэ его явно превосходил; все остальные – и его ученики, и соперники – столь же явно уступали ему.

Теперь он впервые встретился с равным. И не просто с равным.

До поединка, там, в мире за белым квадратом, у Спиридонова были какие-то рассуждения, оценки, сомнения. На татами все было иначе; и он еще раз ощутил, насколько на татами все внешнее внезапно становится абсолютно не важным, раскрывается иной мир, живущий по законам, отличным от законов внешнего мира, и они – он и Ощепков, что самое восхитительное, – стали в этом мире своими и были как братья.

Да, здесь, на татами, один из них победит другого, но кто кого – это не важно. Противостояние и любые оценки теряли на белом квадрате значимость. Единственная ценность этого мира была не в борьбе. Борьба была средством, не целью. Целью был Путь.

Кодоканское название дзюудо[15 - Мягкий путь.] более точно, чем дзюудзюцу, это действительно Путь, а не техника. Путь, каким ты идешь, путь твоей жизни. И Спиридонов и Ощепков – спутники на этом Пути. Это был Путь каждого – и их общий Путь.

Здесь, на белом квадрате татами, ничто не замутняло кристальной чистоты мира. В сиянии их Пути все становилось простым и ясным. Спиридонов понял, что и он, и Ощепков оттягивали этот вожденный для них обоих момент совпадения. Они были птицами в небе дзюудо, но каждый, до времени, боялся взлететь. Но боялся не за себя. Боялся разочароваться в спутнике. Свет дзюудо открывал, кто есть кто. В этом свете Спиридонов увидел, что Ощепков такой же, как он, и вздохнул с облегчением. И Ощепков испытывал те же чувства к нему.

После поединков с учениками Спиридонов мог четко прокомментировать весь их ход и выполнение каждого элемента; здесь же процесс боя нельзя было расчленить, все приемы перетекали один в другой, подобно движению воды в реке. Дзюдо перестало быть чередой элементов, оно стало живым. Удары, захваты, подсечки составили единый, непрерывный, нераздельный процесс, «мягкий путь».

Спиридонов не видел ничего подобного ранее, зная о возможности такого лишь со слов Фудзюки; Ощепков, очевидно, видел, вероятно, в Кодокане, потому не удивился. Впрочем, не удивлялся и Спиридонов. Они не просто боролись – они участвовали в ритуале, в некоем священнодействии. Они были адептами, но не культа, а этой борьбы.

На белом квадрате татами в Новосибирске сошлись две стихии. Спиридонов был стремителен, словно пламя, Ощепков – плавен, словно вода. Они быстро, почти сразу же, осознали, что не надо ждать ошибки другого, и демонстрировали наблюдающим за ними ученикам дотоле невиданный ими, активно-атакующий и при том мягкий стиль дзюудзюцу. Они парировали толчки, уходили из захватов, избегали бросков друг друга. Возможно, человеку, далекому от их мира, подобная тактика не показалась бы зрелищной, но каждый, кто мало-мальски причастен к этому миру, не мог бы не застыть в изумлении и благоговении. Танец пламени и воды, он завораживал.

Лишь наивный или далекий от спорта человек может считать, что спорт – это только соединение силы, выносливости и воли к победе. Любой спорт – и групповые игры, и индивидуальные состязания предполагает определенные интеллектуальные способности, выработку сложной стратегии и тактики состязания. Любая борьба требует этого в двойной мере, а такая сложная, как дзюудзюцу, где действия противника используются против него самого, требует еще более развитого интеллекта. Ощепков и Спиридонов применяли друг против друга приемы не как Бог на душу положит, а выстраивали осмысленные комбинации на основании защитных действий противника – генерала и рядового в одном лице. Стиль Ощепкова отличался от классического кодоканского дзюудо примерно так же, как спиридоновский. Было видно, что он непрерывно его совершенствует, приспособливает к своим параметрам. Будь на месте Спиридонова японец, владеющий классическим дзюудзюцу, он, вероятно, очень скоро оказался бы на татами. Однако Спиридонов, как и Ощепков, уходил от канонов сообразно своим особенностям и потому не только успешно парировал приемы противника, но и подсознательно предугадывал его аналогичные

действия.

Тем не менее их поединок был чистым дзюудзюцу.

Вопрос был в том, кто первый выйдет за ее рамки. Первым оказался Ощепков. Его захват с последующим броском был не то чтобы совсем необычным, но неожиданным. Спиридонову едва-едва удалось его заблокировать, но стало ясно – исход поединка решат только такие приемы. В дзюудо японского образца противники были в равной степени мастерства, да и в его творческом развитии тоже.

И вот теперь, вполне в соответствии с сутью древнего символа «инь-ян», противники стали искать слабые места друг друга. Напряжение возрастало, но ни один из борцов не мог одолеть другого. Было ясно, что победит тот, кто первый успеет застать противника врасплох, и первому это удалось Спиридонову.

Это было что-то вроде тэ гурума[16 - «Колесо через руку», боковой переворот.], но с боковым захватом той же рукой, через которую шел бросок. Хотя и в этом случае исход был не определен до последнего мгновения. Спиридонову хоть и удалось застать Ощепкова врасплох, но тот не оставлял ему возможности переломить ситуацию в свою пользу и провести ути мата сукаси[17 - Контрпирием от подхвата изнутри с выведением соперника из равновесия скручиванием.] или самому бросить Спиридонова в сэйнагэ[18 - «Бросок со взваливанием противника на спину» (бросок через плечо).]. Он продолжал сопротивляться и в воздухе и, лишь коснувшись татами, признал неизбежное.

Все длилось едва ли секунду, но она была крещендо их поединка. Победил Спиридонов, однако победа его была победой над равным, и в другом случае победить мог Ощепков. Спиридонов понимал это, равно как и его противник.

Ощепков исходом поединка тем не менее не был недоволен, хотя, пружинисто вскочив на ноги, обвел учеников таким взглядом, словно только что одержал победу.

– Вот так выглядит настоящее дзюудо! – с торжеством провозгласил он. Борьба как таковая воодушевила его, и победа противника не убавила в нем воодушевления. – Теперь, я думаю, каждый из вас понял, к каким вершинам

мастерства следует стремиться. – Он повернул голову к Спиридонову: – Виктор Афанасьевич, смею вас заверить, на высший дан в Кодокане вы бы сдали в любую минуту. Но, кажется, вы хотели что-то сказать ребятам?

Спиридонов, откровенно говоря, уж и не помнил, о чем намеревался говорить с ними. Поединок изменил все. Мир после него стал другим, а слова...

Какие слова имеют значение по сравнению с тем, что произошло на белом квадрате?

Спиридонов кашлянул, мозговым усилием фокусируя мысли.

– Я знаю вашего учителя меньше суток, – уверенно начал он в тишине. – И он тоже сегодня видел меня впервые. Но на татами я чувствовал себя так, словно знаком с ним давным-давно. Поскольку мы следуем по одному Пути. Нас объединяет Путь дзюдо. Этот Путь делает всех нас, включая и вас тоже, одной семьей. Мы причастны к одной великой тайне.

А потому меж нами нет и не может быть никакой вражды. Мы побеждаем не для того, чтобы поставить кому-то ногу на грудь, не для того, чтобы любой ценой вырвать победу. Мы побеждаем, чтобы учиться. И потому кланяемся друг другу до и после боя.

Открою вам один секрет – гнев очень плохой советчик. Гнев называют страстью, и, как всякая страсть, он застилает глаза, туманит разум, а значит – делает нас слабее. Даже в поединке с настоящим врагом не давайте волю гневу и ярости. Феликс Эдмундович Дзержинский говорил, что у чекиста должны быть чистые руки, горячее сердце и холодная голова. Вы, будущие чекисты...

Ощепков тихонько ткнул Спиридонова локтем в бок, что-де увлекся...

Спиридонов спохватился. Среди подопечных Ощепкова чекистов нет, только два эркаэмовца...

– ...эркаэмовцы, – быстро нашелся он, – красноармейцы... достойные граждане нашей Родины, обязательно должны помнить об этом!

Ответили ему аплодисментами.

* * *

Попрощавшись с учениками, они прихватили снизу тяжелый от керосина закопченный примус, чайник с водой, вероятно, заставший еще Колчака, но по-прежнему хорохорящийся надраенным медным бочком, пару кружек, початую пачку чая неизвестной нэпмановской мануфактуры и сомнительного качества, а также немного рафинада, до которого Ощепков, как оказалось, тоже был охоч, и вернулись в его «кабинет».

– Вот оказия, мы спички забыли, – подсадовал Ощепков, когда примус водрузили на стол. – Погодите, я...

– У меня есть, – остановил его Спиридонов, указывая на кучку спичек на столе и обращенный им ранее в пепельницу коробок. – Можно, кстати, я закурю?

– Виктор Афанасьевич, я же просил вас, без церемоний, – ответил Ощепков, занявшись розжигом примуса. – Замечательную вы речь сказали, очень точную... Кстати, вы обещали назвать мне имя своего учителя.

Виктор Афанасьевич не помнил, когда он успел это пообещать, но не стал спорить.

– Вряд ли оно что-то вам скажет...

– Ошибаетесь, – улыбнулся Ощепков, водружая чайник на неустойчивую крестовину примуса. – Хотя я, пожалуй, и так догадался. Думаю, в дзюдо вас занес благоприятный ветер.

– Вы знаете Фудзюки?! – оживился Спиридонов.

Ощепков вздохнул.

– К сожалению, я знал его не так хорошо, как хотелось бы. Но достаточно хорошо, чтобы он дал мне направление на Путь, по которому я иду. Виктор Афанасьевич, у вас никогда не было такого, чтобы в какой-то картине был некий изъян, а затем вы узнавали нечто, и картина становилась полной?

Спиридонов машинально кивнул. И пожал плечами – а у кого не бывало такого?

– Я долго не мог понять, что держит убежденного буддиста Фудзюки в семинарии у Николая. Он никому не говорил, что у него был русский ученик. Но так уж вышло, что в Кодокан я попал благодаря ему. Впрочем, обо всем по порядку.

* * *

Синеватое пламя танцевало под почерневшим донышком чайника, который и не думал закипать.

– Знаете, вы второй человек, которому я столь подробно рассказываю свою историю, – сообщил Ощепков, садясь за стол. – Первой, конечно, была моя жена.

– Первая или вторая? – уточнил Спиридонов.

Ощепков взглянул на него с недоумением, а потом улыбнулся:

– Конечно, Машенька. У меня никакой другой жены и не было. После объясню почему. Так вот, вы второй человек, который узнает все, от начала и до конца. В принципе, мне нечего скрывать, просто нет охоты говорить. Люди очень часто все истолковывают неверно и особенно стремятся осуждать. Вы же, я надеюсь, поймете. В конце концов, мы с вами исходим из разных сословных состояний, из разных миров, но наши пути сошлись в один, Путь дзюдо. Потому меня ничуть не удивляет, что именно Фудзюки был вашим учителем.

Так вот, по договоренности со Свирчевским я отправился в Японию, устроившись на каботажник палубным матросом на один рейс. Драить палубу, подтягивать швартовы да грузить уголь с беседки[19 - Здесь – специальное приспособление в виде закрепленного за четыре угла куса сетки или ткани для подачи на судно пакетированных грузов (мешки, тюки, рулоны и проч.); поднималось и перемещалось краном (стрелой).] в угольную яму – невелика премудрость для сахалинского пацаненка. Так же самостоятельно я добрался и до семинарии.

– Почему так? – спросил Спиридонов.

– Ох... сложный вопрос, но попытаюсь ответить. Я вам уже рассказывал, что Свирчевский долго и безуспешно пытался утвердить свой проект в канцеляриях Империи. Параллельно с этим он готовил базу – из беспризорников, каторжных детей, сирот. Он хотел отправлять своих агентов в ремесленные училища Японии, но без высочайшего повеления не мог этого делать, а оно все не было и не было, и даже наоборот: незадолго до войны из канцелярии наместника Свирчевскому пришел прямой запрет на любую враждебную деятельность в отношении Японии. Тщетно Ипполит Викторович пытался доказать, что у России нет союзников, кроме тех, что она сама себе образует. Едва не поплатился званием, говорил, что приказ об отправлении его в отставку до срока зачеркнули японские миноносцы, атаковавшие корабли на рейде Порт-Артура. Он, знаете, любил эффекты и гиперболы...

Ощепков помолчал, глядя на переплес язычков пламени под чайником. Спиридонов задумчиво вертел в пальцах пачку «Кино», пообтертую и помятую.

– Война изменила все, – продолжил Ощепков. – Хотя могла и ничего не изменить, поскольку генералитет наш в то время страдал просто поразительной близорукостью. Впрочем, это и неудивительно в свете вскрывшихся в Империалистическую войну фактов...

– Каких? – насторожился Спиридонов.

Ощепков посмотрел на него удивленно:

– Ну как же... это еще царская контрразведка установила. В пятнадцатом, если мне память не отшибло, или в шестнадцатом. Распутин жив был еще. Вскрыли тогда целую сеть в Генеральном штабе и Ставке. За хорошие деньги фактически на кайзера работали, хотя кайзер там не последней инстанцией был, деньги из-за океана капали. Всех не успели вычистить, они государя раньше достали. А, ну какое это имеет значение? – отмахнулся Ощепков. – Я о другом сейчас: в общем, генералов наших, как котят, приходилось носом тыкать в факты совершенно очевидные. Но тут, к счастью для Свирчевского, произошло нечто, что изменило отношение Куропаткина и компании к «прожекам» штабс-капитана. Мне кажется или чайник парит уже?

– Кажется, – улыбнулся Спиридонов.

– Жаль, – ответил Ощепков. – Пить хочется.

– Скоро уж, – успокоил его Спиридонов. – Так что за оказия-то случилась?

Ощепков улыбнулся:

– Артурцы, славные ребята, в Волчьих горах японца отловили. Казачьим разъездом, взяли врасплох. Но одного нашего тот все-таки уложил, зато другой его утихомирил, да еще и не насмерть, а так, чтоб допросить можно было. Не слышали про такой случай?

Спиридонов вспомнил сосредоточенное лицо Гаева, готовящегося к прыжку через полуразрушенную стену фанзы, вспомнил штык его берданки, покрытый его же кровью.

– Должно быть, это случилось после моего пленения, – сказал он глухо, думая о том, что Ощепков, черт возьми, прав и их пути действительно непостижимым образом связаны. – Казаки вообще молодцы, смелые, решительные, словно у каждого обойма запасных жизней.

– Говорят, это в самом начале было, – удивился Ощепков. – Едва ли не сразу после начала блокады. Как бы то ни было, японец остался жив, и его даже сумели переправить в Харбин и сдать тамошней контрразведке, которую как раз возглавил не абы кто, а новоиспеченный генерал Данилов.

– Толку-то от него, – возразил Спиридонов. – В Артуре человека, сносно по-японски говорящего, днем с огнем не сыскать было...

– Вот именно, – подмигнул Ощепков. – Да только наш японец прекрасно говорил на русском и на китайском. Выяснилось это в Артуре еще – казак, что его поймал, предварительно угостил его пулей в спину, к вечеру у него горячка началась.

– У казака? – уточнил Спиридонов с каменным лицом.

Ощепков глянул на него непонимающе:

– У японца, конечно... тьфу, пропасть, вы шутите! Совсем как японец! – Ощепков рассмеялся так заразительно, что заставил усмехнуться и Спиридонова. – Я-то думал, что вы не умеете!

– Тогда мы квиты, – просветлел лицом Спиридонов. – И что ж он вам там напел?

– Поначалу молчал, как карп из императорского пруда в Бейджине, да только в багаже у него нашли русские документы, а еще бумагу, кисти и тушь. Вскоре стало ясно – пленный получал донесения от агентов и переводил их на японский с русского и китайского.

Документов было много, и написаны они были разными людьми, так что еще до признательных показаний японца, данных им под давлением неопровержимых доказательств, стало ясно – в российском тылу действует разветвленная шпионская сеть. Но самое интересное было дальше – выяснилось, что японское правительство для подготовки своих связных использовало русскую семинарию в Токио. – Ощепков вздохнул и добавил: – Как правило, тут начинается непонимание, поэтому сразу объясню – в семинарии не готовили агентов. Только связных, так называемых «драгоманов», бесполезных без наличия сети конечных агентов. Говорю потому, что слишком велик соблазн ставить отцу Николаю в вину действия против России. Бедный святитель! Ото всех-то ему доставалось при жизни: от японцев – за то, что русский, от русских – за то, что учит японцев.

– А он, по-вашему, был не в курсе происходящего? – спросил Спиридонов с показным равнодушием.

– Ну, он же не слепой был, – улыбнулся Ощепков. – Конечно, все знал. Но у него была совсем другая задача, ее он и решал. Знаете, не завтра, не через десять лет, может, и не через сто, но дерево, посаженное отцом Николаем, вырастет. Разрушить отношения и начать вражду очень легко. Нет ничего проще. А вот выстроить отношения, наладить доверие – намного сложнее.

– Доверие – материя слишком тонкая, – отвечал Спиридонов. – У России еще Порт-Артур не зажил.

– Он не зажил еще у вас, Виктор Афанасьевич, – все так же улыбаясь, сказал Ощепков. – И тем не менее вашим учителем был японец. Довольно пока, давайте я вам все-таки доскажу, как я попал в Японию, а то так мы и до полуночи

досидимся, а меня все-таки жена ждет.

Спиридонова толкнуло в грудь чувство неловкости. Действительно, он отрывал Ощепкова от больной супруги, которая, как и все больные, нуждалась не только в уходе, но и в том, чтобы рядом был кто-то близкий.

– Да-да... не будем растягивать... Так что там с японцем? – торопливо спросил он.

– После того как он раскололся, Свирчевский передал Генштабу целый пакет документов – с материалами, которые нашли у японца, с протоколами его допросов и, конечно, его собственными выводами. И тут ситуация развернулась на сто восемьдесят градусов...

Ощепков снял с примуса закипевший чайник, закрутил вентиль, погасив синевато-зеленоватое пламя, и стал наливать кипяток Спиридонову в кружку, куда тот уже сыпанул заварки.

– Помните строчку: «Храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»? Так вот... Те, кто раньше ставил Свирчевскому палки в колеса, внезапно оказались наибольшими радетелями его талантливых проектов. Каждая сволочь, именуемая по уставу высокоблагородием, подавала реляцию, что именно она неоднократно настаивала на серьезном рассмотрении этих проектов! Да и Бог бы с ним, тем более что Ипполит Викторович никогда не был тщеславен и за дело болел больше, чем за звезды на погонах да ордена в петлицах. Вот только эти самые сволочи, сумевшие забраться по табельной лестнице выше Свирчевского, начинали мнить, что они куда лучше понимают в его идеях. И «творчески дополнять» оные своими никому даром не нужными инициативами. Впрочем, пока бюрократический локомотив разворачивался, война успела закончиться и в Портсмуте подписали мир. Однако локомотив уже развернулся и двигался в нужном Свирчевскому направлении, рискуя догнать его и раздавить.

Ипполит Викторович, между прочим, на все это обращал категорически мало внимания. Даже тогда, когда ему еще никто ничего не разрешал, он с настойчивостью одержимого проводил в жизнь свой проект. Еще до войны ему удалось связаться с отцом Николаем и сосватать ему двух казачат – Романовского и Легасова, из своих воспитанников. К сожалению, ничего путного

из этого не вышло, началась война, и домой ребята вернулись только в шестом... и сразу попали в объятия штабс-капитана, став дополнительными козырями в его игре. Романовского и Легасова приняли на ура, и они сразу же показали свою полезность настолько, что местное начальство, уступив Свирчевскому при поддержке тяжелой артиллерии в виде генерала Данилова, отрядило первого в Японию к владыке Николаю.

Сложные, прямо скажем, были у них переговоры: Свирчевский просил принять в семинарию хотя бы десяток парней из России. Отец Николай резко возражал: дескать, его задача – готовить православное духовенство для японского народа, а не шпионов для Генштаба. Если японцы о чем-то таком пронюхают, то миссии конец, а это означает, что целая страна погрузится во мрак неверия. Как будто мало нам войны между нашими народами!

Свирчевский, будучи прямым от природы и никаких авторитетов не признававший, даже поскандалил с отцом Николаем, дескать, японских шпионов готовить ему не зазорно. На что тот спокойно ответил, что одним ножом можно и хлеб резать, и человека, так виноват ли кузнец, если изготовленным им ножом кого-то зарежут? Он не учил никого воевать против России; наоборот, большинство его питомцев не видели в России врага, чем вызывали дикое раздражение у японских националистов. Он даже дал Свирчевскому целый тук газет, в которых на него и всю Русскую миссию писали пакости. На что Свирчевский резонно заметил, что, если бы он умел читать по-японски, у него не было бы повода тревожить владыку своими проектами. Отец Николай не отступал и пересказал многое из того, что печаталось, не выбирая притом выражений и не смягчая острых углов. Пока он это делал, Свирчевского осенило.

Ощепков остановил повествование, задумчиво глядя на кипяток в своей кружке – заварку он в нее, в отличие от Спиридонова, не положил.

– Видите ли, я думаю, что, если бы Ипполит Викторович занялся дзюдо, он намного бы опередил и меня, и вас, – продолжил он, аккуратно выливая кипяток обратно в чайник. – У него был такой же склад ума, но куда лучшая реакция и огромная воля к победе. А еще он умел заражать своими идеями. Когда владыка закончил цитировать тактичную японскую прессу, Ипполит Викторович заявил, что, вообще-то, это идеальное прикрытие.

– Владыка, – сказал он, – я говорил с Романовским и Легасовым, и оба они отзываются и о вас, и о школе крайне хорошо. Это непорядок.

Признаться, Свирчевский сумел изрядно удивить отца Николая, который вполне нормально бы воспринял даже появление в своей келье Ангела Господня. Он попросил его не церемониться с учениками, которых он будет присылать. Требовать, чтобы те ходили только в японском платье, ели только японскую еду, говорили даже между собой по-японски, а главное – при малейших обстоятельствах карать самым жестоким образом. В общем, когда я обо всем этом узнал, я был тоже поражен – это была на редкость удачная операция прикрытия, идеально выстроенная и реализованная.

– Вам не кажется удивительным, что я так захваливаю Свирчевского? – спросил Ощепков, наконец положив себе в кружку заварки и залив ее слегка остывшим уже кипятком. Спиридонов отрицательно покачал головой, отхлебнул из кружки и поморщился: чай был неслащенный, словно у Дзержинского.

Ощепков заметил гримасу Спиридонова и пододвинул к нему жестяночку с рафинадом:

– Тоже любите сладкое? Берите сколько душе угодно, я и сам сластена. Сахар – пища мозга; я, бывает, возьму рафинадину и посасываю, ровно леденец.

– Так почему мне это должно показаться странным? – спросил Спиридонов, скромно положив себе два кубика желтовато-коричневатого сахара.

Ощепков взял сразу три.

– Добавляйте, сахар здесь не особенно сладкий, хоть и свекольный, да из местной свеклы, не шибко сахаристой. Климат такой...

Почему, спрашиваете? – вернулся он к делам былым. – Потому что я участвовал в этой операции, и это ко мне штабс-капитан просил относиться так, как я описал. Впрочем, в моей жизни это был далеко не последний подобный случай, и на фоне всего остального в миссии ко мне относились весьма даже мягко. По сравнению с родным домом и теплом материнской любви... – Ощепков мягко улыбнулся. – Так что, отправляя меня в Японию, Свирчевский отправлял меня отнюдь не на курорт. К его чести, скажу – он меня предупредил, что легко не будет. Но сказал лишь: «Дерзай, казак, в атаманы выйдешь!» Пришлось дерзать...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Младший партнер купца, в отличие от приказчика, имеющий право самостоятельно, от своего имени, заключать сделки в определенном объеме.

2

Угорь – осужденный по уголовной статье (жарг., устар.).

3

Ссыльнопоселенец и иное лицо, имеющее доступ в исправительное учреждение и не являющееся при этом ни заключенным, ни персоналом исправительного учреждения.

4

Zugzwang (нем.), «принуждение к ходу» – положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.

5

Тип небольшого рыболовного или каботажного японского суденышка, «родом» из одноименного японского порта.

6

Имеется в виду морской котик – разновидность ушастых тюленей. Раньше в изобилии водились в Охотском море и на Тихоокеанском побережье, подвергались варварскому промыслу, ныне занесены в Красную книгу, охраняются государством.

7

В 1920–1930 годах США оказывали Советской России обширную военно-техническую помощь; так, известные автомобили марки «ГАЗ-А» и «ГАЗ-АА» производились по лицензии корпорации «Форд», а завод был построен со значительным участием американских специалистов, и это только наиболее известный пример.

8

Деталь паровоза, передающая движение от поршня колесам, постоянно перемещается в процессе движения паровоза.

9

«Буря в горах» – передний подхват под обе ноги с захватом за рукав и одноименный отворот – прием в дзюдо, входящий в раздел бросков, группу бросков из стойки, класс бросков, для проведения которых в основном используются руки.

10

Подхват под обе ноги (бросок через поясницу сметающим движением ноги).

11

Отхват с захватом руки под плечо, «наматыванием» на себя противника и падением на бок.

12

Бросок с захватом руки под плечо изнутри, «наматыванием» на себя противника и падением на бок.

13

Удар внешним ребром стопы.

14

Японский ронин, лучший фехтовальщик в истории как минимум Японии. Основоположник самурайской школы боя на двух мечах, автор «Книги пяти колец» – философского трактата о военном искусстве. Более известен по имени провинции, из которой происходил, как Миямото Мусуаси.

15

Мягкий путь.

16

«Колесо через руку», боковой переворот.

17

Контрприем от подхвата изнутри с выведением соперника из равновесия скручиванием.

18

«Бросок со взваливанием противника на спину» (бросок через плечо).

Здесь – специальное приспособление в виде закрепленного за четыре угла куска сетки или ткани для подачи на судно пакетированных грузов (мешки, тюки, рулоны и проч.); поднималось и перемещалось краном (стрелой).

Купить: <https://tellnovel.com/oleg-roy/belyy-kvadrat-zahvat-sud-by>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)